Ч 40
764

Д 74/6
813
240 764

Давыдов.

ЖЕРТВЫ СЕДОГО ОКЕАНА.

Эпизод из империалистической войны 1914—1915 г.г.

ЛЕНИНГРАД.
1925.

1959 г.

Ч40-764

СССР. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

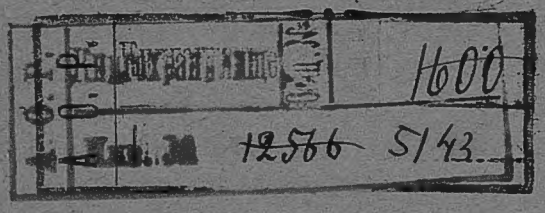
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА.

(С)174/6
13

Давыдов.

Жертвы Седого Океана.

Эпизод из империалистической войны 1914—1915 г.г.



1960 г.

ЛЕНИНГРА
1924.

Государств. публичная
ист. архивная
библиотека РСФСР
1457183

Отпечатано
в типографии Морск. Ведомства,
зд. Главн. Адмиралтейства.
Тираж 3000 экз. — 5 л.
Ленинградский Гублит № 17585.

Предисловие.

Жизнь и служба моряка полна риска и опасностей. Сотни жертв уносит море, десятки судов делаются добычей океана. И как ни изобретательна мысль человека, стремящегося противупоставить стихиям новейшие средства техники и науки в борьбе за обезпечение безопасного мореходства и морского промысла, число жертв все же остается велико.

Особенно велико оно там, где море является главным источником существования прибрежного населения. Тысячи парусных рыбачьих судов неделями держатся в море на промыслах, несмотря ни на какую погоду. Часто, застигнутые штормом, десятки их гибнут занесеные в открытое море или разбитые на рифах скалистого побережья. Но человек ведет упорную борьбу: он изучает стихию, учится предвидеть изменения погоды, строит более крепкие суда, покрывает берега сетью морских спасательных станций, словом, делает все, чтобы уменьшить число жертв и аварий.

Но есть одна категория гибнущих судов, которые являются уже не жертвами моря, а жертвами хищнической алчности, посылающей на гибель одних ради выгод других. Тот, кто видел на сцене известную пьесу «Гибель Надежды» помнит историю этого ветхого и отслужившего срок корабля и драму его экипажа, посланного алчным хозяином на верную гибель в море, чтобы получить страховую премию.

Гибель транспорта «Ормесби» очень напоминает собой историю «Надежды», с тою разницей, что здесь в действительности, а не на сцене, жертвами капитализма и империализма сделались 18 человек.

В 1914 г. с началом империалистической войны царскому правительству понадобилось организовать перевозку угля из Англии в Россию. Для этой цели требовались транспорты, которые и решено было закупить. С целью приобрести суда подешевле, агенты правительства искали наиболее старые, выслужившие все сроки пароходы. Таковых в Англии имелось достаточное количество и потому недостатка в предложениях не было. Чуя наживу, хозяева не останавливались перед «подмазыванием» агентов, которые, кладя в карман крупные взятки, приобретали всякий хлам, давно уже не годный для плавания. Одним из таких судов и был транспорт «Ормесби» со старой изношенной машиной, с бортами проеденными ржавчиной «до дырок». Ему то и предстояло идти Северным Ледовитым океаном в Архангельск, по заведомо опасному от льдов и известному своими штормами пути.

Первый же поход окончился гибелью. Попав в жестокий шторм, транспорт был выброшен на камни. Изношенная машина не могла справиться с волной и судно, лишившись движения, сделалось жертвой океана. Продержавшись некоторое время на воде, судно быстро начало разваливаться под ударами волн, которые отрывали куски проржавевшего борта. Еще немного... и судно переломилось пополам.

Из всего экипажа в 24 человека спаслось только 7. Но и из них после бешеной борьбы с холодом, волной и льдами один умер от гангрены, а трое остались калеками, в том числе и автор рассказа, которому для спасения жизни пришлось отнять обе ноги, отмороженные во время десятидневных поисков берега на шлюпке.

1.

Начало Европейской войны 1914—1918 г. г. застало меня в Англии, в г. Манчестере. Я служил помощником капитана на пароходе *Мари* из Риги, который был застигнут об'явлением войны в указанном выше городе, где и остался отстаиваться, не рискуя выходить в море, вместе со всей своей командой, жившей на пароходе и выполнявшей различные мелкие судовые работы. Так прожили мы в Англии до октября 1914 года, наблюдая кипучую военную деятельность страны, удивляясь ее энергии, порядку и спокойствию и следя по газетам за развертывавшимися картинами титанического столкновения. В октябре до нас дошли слухи о том, что русское правительство покупает в Англии несколько пароходов. Эти слухи вскоре нашли подтверждение: я получил неожиданно для себя телеграмму, приглашавшую приехать немедленно в г. Барридок, куда прибыл 9 октября. Здесь меня встретил капитан *Ормесби* — К. Юргенс, сообщивший мне, что пароход куплен Россией и грузится английским каменным углем для того, чтобы транспортировать последний в Архангельск. Тут же Юргенс предложил мне место его старшего помощника и, так как мне очень хотелось принять

участие в трудах военного времени, — я охотно согласился на его условия и подписал контракт.

В гостинице, где жил капитан и где состоялось наше соглашение, я встретил много моряков; с некоторыми я был знаком раньше и здесь из разговоров узнал, что представляет собой транспорт, на котором мне предстояло служить, а впоследствии и столько испытать. Оказалось, что *Ормесби* был старое судно, раньше плававшее в Средиземном море и основательно потрепанное бурями и другими морскими передрягами, часто встречавшимися на его долгом веку.

На другой день утром я поспешил лично осмотреть *Ормесби* и еле нашел его, затерявшегося в огромной гавани Барридока, полной самыми разнообразными судами, от маленьких рыбачьих тралеров до громадных трансатлантических купцов и пассажирских пароходов. Стоявшая вокруг сутолока и деятельность совершенно не отражали в себе международного положения—здесь была обычная жизнь большого английского порта: целый лес труб и мачт, могучие гудки и рев сирен, стук, лязг и визжанье цепей лебедок, крики рабочих и команд.

Вот и *Ормесби* — довольно большой в 4500 тонн пароход, который спешно грузится углем своей прежней английской командой, успевшей погрузить уже более половины.

Осмотрев пароход, побывав во всех его помещениях и приглядевшись к его состоянию, я убедился, что он очень неважное. Действительно, судно—старое и в данную минуту уже доживало свой век, весьма продолжительный и богатый приключениями. Все, что ни видел глаз, было сильно запущено: верхняя палуба прожгла вела и стала чрезвычайно тонкой, часть правого борта

была изъедена ржавчиной до дырок. Лебедки и брашпиль отказывались служить, в особенности последний, который не мог почти выбирать якорь. Старший механик прежней английской команды *Ормесби* говорил, что требуется самый полный и тщательный ремонт судна и в самом скорейшем времени. В этом нам предстояло, впрочем, убедиться довольно скоро на печальном опыте.

Покончив 13-го октября с погрузкой угля и собравшись совсем выйти в море для дальнего плавания, мы застряли вдруг на два дня в порту Барридока, обнаружив в корпусе такие дефекты, с которыми не рискнули итти в Архангельск. Помимо того, что борта у ватерлинии оказались проеденными ржавчиной, внутри судна некоторые из шпангоутов до того проржавели, что листы бортовой обшивки отвалились, отстали от них и висели на воздухе. С этим мириться было невозможно и вот, спеша и делая все на скорую руку, принялись мы за ремонт, обращая внимание только на самое существенное.

Команда *Ормесби* к этому времени состояла из 24 человек. До полного судового комплекта недоставало еще нескольких человек, но их было так трудно достать, что в конце концов капитан решил ограничиться уже имевшимся количеством, сплошь состоявшим из уроженцев наших Прибалтийских губерний.

15 октября мы, наконец, закончили кое-как наш ремонт и после полудня, подняв якорь, вышли на нашей развалине из гавани, желая сами себе всякого благополучия и покуда не предчувствуя ничего плохого впереди. Еще до отправления в плавание мы запаслись самыми последними сведениями о том, где крейсеруют германские подводные лодки, чтобы избежать возможной встречи

с ними. Несмотря на то, что на нашем пути немцы уже успели потопить несколько пароходов,—мы все же надеялись счастливо проскочить в Белое море.

Вот уже и Барридок и берег скрылись на горизонте, и чуть заметное облачко дыма над портом выдаст еще его местоположение. Кругом бесконечная тускло-серая туманная пелена пасмурного дня, характерная для Англии. Погода, одним словом, неприятная. Ветер силою около 6 баллов дует навстречу и разводит постепенно волну. Идем понемногу на север и зорко всматриваемся кругом: нет ли где немецкого крейсера или подводной лодки. Особенно не хочется встретиться с последней.

Прошли канал Георга и вышли в Северное море, закутанное густым туманом. Небо не хочет проясняться и все хмурится: ветер усилился и временами доходит до 8 баллов. Больше всего интересуемся горизонтом—не покажутся ли немецкие суда. Вот, наконец, и дымки, не один, а несколько, стали вдруг заметны на хмуром фоне серого неба. Хмурится капитан, пристально смотрящий в бинокль, беспокойно бьется сердце у меня, да и все чувствуют себя неважно, предвкушая надвигающееся свидание. Что мы замечены—сомнений быть не может, т. к. дымки делаются все явственнее; невооруженным глазом уже видны корпуса кораблей в виде темных точек. В трубу уже ясно можно различить характер флотилии—военные суда. Наконец, все возраставшая тревога за судьбу сменилась вздохом облегчения—это английская эскадра, т. к. ясно виден английский военный флаг. Направление ее—прямо на нас. Отдали приказание сделать сигнал, что судно русское и идет в Архангельск. Но, повидимому, этого для англичан оказалось недоста-

точным: от эскадры отделился крейсер, подошел к нам, обошел несколько раз вокруг, зорко осматривая пароход со всех сторон, пока, наконец, успокоив свою подозрительность, не ушел в море, предоставив нам спокойно продолжать дальнейший путь.

Остальную часть Северного моря прошли вполне счастливо и спокойно, все время при пасмурной, унылой погоде. Около норвежских берегов тучи стали расходиться, воздух стал светлее и, наконец, проглянуло давно невиданное нами солнце. Из его появления, столь приятного нам после надоевшего тумана, мы тотчас же извлекли и пользу, определив поправку нашего компаса, после чего взяли курс на норвежские шхеры, которых достигли 25 октября. Так как итти сложным и запутанным фарватером шхер, радовавших наш взор своими красотами, но скрывавших многочисленные опасности для мореплавателя, было невозможно без помощи лоцмана, то, взяв последнего на борт, мы продолжали подвигаться вперед согласно его указаниям. Солнце недолго тешило нас своей застенчивой северной улыбкой. Внезапно откуда-то надвинувшиеся тучи свинцовым пологом закрыли небо и начали сыпать снегом при сильном ветре. На широте Трондхейма снег шел так густо, что впереди ничего не было видно, и эта морская метель сопровождала наше путешествие, ставшее оттого чрезвычайно медленным, вплоть до Норд-Капа, где, наконец, прекратилась, оставив чрезвычайно неприятные воспоминания. У Норд-Капа мы уже ясно ощутили изрядный холод, постепенно нараставший по мере нашего продвижения на север. Встретили несколько пароходов, шедших контр-курсом. Предполагая, что они идут из Архангельска, порадовались этому, делая вывод

что, значит, Архангельск еще не замерз, и с этой стороны препятствий нам представиться не может.

Кончились шхеры, сошел лоцман, и дальше идем уж самостоятельно, становясь все ближе и ближе к полярному кругу, соседство которого уже давно нами ощущается. Вот уж и самый северный пункт Норвегии—мыс Норд-Кап, подаривший нас 4° мороза. Вступили Ледовитый океан, суровое небо которого днем сыпало нас с своего хмурого полога снегом, а к вечеру немного прояснилось. Сквозь обрывки туч блестели яркие звезды и проскакивала стыдливая луна, по которой мы стремились определить свое местонахождение, чего нельзя было сделать по дневному светилу, редко-редко пробивавшему своими лучами облачную пелену.

Раз вечером, несмотря на то, что луна была плохо видна, капитан Юргенс предложил мне определить ним ее высоту. Т. к. горизонт был закрыт, то мне казалось это предприятие невыполнимым. Однако, капитан улучив момент, когда луна на мгновение показалась между туч, все-таки взял ее высоту. Я отметил этот момент по хронометру. Вычислили место, при чем результат нашей работы оказался довольно правильным.

Идя дальше океаном, мы снова встретили английское военное судно, сообщившее нам, что при входе в Белое море появился плавучий лед. Это обстоятельство, как ни покажется странным на первый взгляд, нас обрадовало и именно тем, что теперь нечего было опасаться немецких подводных лодок. Теперь все опасности казались нам оставленными далеко позади, и потому мы легким сердцем подвигались к нашей цели—Архангельску, не предчувствуя впереди ничего опасного. Погода покуда была все та же: днем пасмурно, ветер и снег, к вечеру—

снее. Иногда по ночам загоралось вдруг красивым и вол-
ебным светом дрожащее и колыхающееся северное сия-
ие, разгонявшее своим фейерверком мрак темной полярной
очи. Раз вечером, стоя на вахте, я поставил на ком-
ас пеленгатор с целью определить поправку. Как раз
спыхнуло северное сияние. И вот, наблюдая по пелен-
атору полярную звезду, я заметил, насколько сильное
ействие оказывает сияние на компас. Стрелка послед-
его колебалась на 9° в ту и другую стороны, и когда
ияние окончилось и потухло, то оказалось, что де-
иация компаса, т.-е. поправка от действия на маг-
итную стрелку судового железа — изменилась на три
радуса.

После некоторого времени пользования относитель-
ым благоденствием наступил поворот к худшему. По-
ода, бывшая и до того неважной, окончательно испорти-
ась: густо повалил снег и, подхваченный внизу, у по-
ерхности моря, сильным ветром, превратился в густую
етель, застлавшую океан и горизонт непроницаемой
глой, мешавшей видеть путь впереди судна. Поэтому
ешили заранее принять все меры предосторожности:
риготовили глубомерные инструменты, приведя их в
орядок, проверили марки глубины на лине дип-лота,
оторым могли измерить до 120 саж. глубины. 28 октября
тром, когда, к счастью, на короткое время снег умень-
ил свою густоту, увидели маяк Святого Носа и в 8 ч.
тра, определив по крюйс пеленгу место судна и рас-
тояние его от маяка, оказавшееся равным 14,5 милям,
зменили курс с тем, чтобы, распростившись с не-
риветливым океаном, войти в Белое море.

Наступали короткие зимние дни: светало около 8 ч.
тра, а уже в 4 часа дня было почти темно. К вечеру

того же 28 октября погода, и так все время бурная
пасмурная, стала еще хуже. Снег шел густо и непре
рывно, а ветер SSW, бывший до сих пор силою окол
8 баллов, превратился в настоящий шторм, разведши
большую волну, яростно бившую корабль. Т. к. вперед
ничего не было из-за снега и сумрака видно, то умень
шили ход судна и часто мерили глубину моря.

В 8 ч. вечера я принял вахту от второго помощник
капитана и, закутанный в морской плащ-дождевик, по
нялся на мостик. Вахта была очень неприятная. Кру
гом мрак, наполненный свистом ветра в снастях
ревом воды за бортом. Судно имело сильную боковую
килевую качку, и бушевавший океан перекатывал чере
него верхушки своих холодных валов, для некоторо
обуздания которых мы держали на привязи за борто
мешки, наполненные вареным маслом, которого у на
было порядочное количество. Но это средство, хотя и по
могало, но было слишком недостаточным. Из всех си
приходилось держаться за разные предметы, чтобы н
упасть на скользком от мокрого снега мостике и н
очутиться мгновенно за бортом. Непрерывно шедши
снег налипал на стекла боковых фонарей, и его при
ходилось часто очищать, т. к. не было видно отличи
тельных огней. Кругом царил мрак. Шли уменьшенны
ходом и ежеминутно, почти безостановочно, давал
паровым свистком туманные сигналы для предупрежде
ния столкновения. Наконец, около 10 ч. вечера сви
сток испортился. Пришли старший и младший меха
ники и начали его исправлять среди воя и рева мра
ной ночи.

Около полуночи измерили глубину: 23 сажени пр
грунте—крупном песке и ракушках. Ровно в 12 часо

меня сменил на вахте второй помощник капитана. Сам капитан в эти трудные и ответственные для него, как руководителя судна, минуты неотлучно присутствовал на мостике, жадно всматриваясь в темноту впереди судна и наблюдая за состоянием последнего.

Сдав вахту, я зашел, усталый и мокрый от снега и воды, в штурманскую рубку. Туда вскоре пришел и капитан, и мы вдвоем, склонившись над картой, начали гадать о нашем местонахождении в данную минуту, принимая во внимание течение относившее нас к NO.

Поделились друг с другом более или менее вероятными предположениями, после чего Юргенс снова ушел на мостик, а я занялся записыванием в судовой журнал всего случившегося на моей вахте. Покончив с этим около часу, я ушел к себе в кормовую каюту. Зажег керосиновую печь, смыл с лица и рук слой соли от высохшей морской воды и, полураздевшись,—т. к. раздеваться окончательно было рискованно в нашем положении, — лег на диван заснуть, чувствуя тепло и уют после холода и мокроты мостика, где пришлось пробыть непрерывно 4 часа. Разлегшись и закрыв глаза, я рассчитал, что через два дня мы — в Архангельске, вне этой проклятой, тревожной и беспокойной обстановки. С этой привлекательной мечтой я быстро погрузился в нервный и тревожный сон.

II.

Спать пришлось не долго. Среди чуткого сна я почувствовал какое-то особое, незнакомое доселе сотрясение корпуса судна и моментально открыл глаза, стараясь сознанием определить, — действительность ли это

или воображение дремавшего мозга. Но не успел я
думать над этим вопросом как следует, борясь с же
нием опять закрыть глаза, так уже совершенно реаль
ощутил новый толчок судна. «Что бы это значило?»
пронеслась мысль. «Особой ли силы удар волны, кото
гудели, бешено метались за бортом, или же это явлен
от другой причины?» Посмотрел часы — 2 ч. 20 м. ноч
Значит, я отдыхал всего около часа. Страшно хотело
спать, глаза непроизвольно слипались. Но все же пер
силил себя и, наскоро одевшись, вышел на палуб
Бешеный шторм охватил меня, окатывая с ног до голо
тучами брызг и засыпая вихрем снега, проносившегос
точно в бесовской пляске, в свете тусклых фонаре
Огромные темные валы, зарождаясь где то на необъятн
поверхности океана, окутанной мраком и снегом, вн
запно выростали из этого мрака около самого судна д
того, чтобы, яростно ударившись об его борт, перекину
огромную верхушку через палубу.

Цепляясь за стойки, выступы, за все, чем толь
можно было удержать себя на палубе, и риску
вылететь за борт вместе с какой-нибудь шалой волной,
я побежал к мостику. 2-го помощника там уже н
было — стоял один капитан Юргенс. На мой поспе
ный вопрос, что за толчки получает пароход, он, озаб
ченный какой-то беспокойной, сверлящей мозг мысль
бросил мне только два слова: «видите сами». Поч
в тот же момент я ясно почувствовал повторявшие
слабые удары передней части о грунт и, разумеетс
понял в чем дело — мы наткнулись на банку. Отсутст
вавший второй помощник, как оказалось, пошел буди
команду, т. к. дело могло закончиться очень плох
особенно имея ввиду плачевное состояние нашего суд

Измерили воду в баластных цистернах и трюме: казалось, что в передней части судна течи не было, ато кормовые цистерны оказались полны водою. Изветили об этом машинное отделение и начали полным одом выкачивать из цистерн воду. Мало-по-малу судно пять стало на свободную воду и не хватало больше рунта. Волнение океана в это время было страшное: н весь кипел, как гигантский котел, белыми волнами, вободно переливавшимися через судно. Видно было, ак вокруг нас ходили седые буруны, служившие ясным оказательством мелководья, которое впрочем мы уже щутили непосредственно своим корпусом.

Все были уже разбужены и находились на местах аверху, наблюдая безотрадную картину ночного шторма учитывая всякие самые печальные возможности нахождения вблизи камней и мели. Но я готов ручаться, то никто из нас не учел именно той возможности, оторая начала вдруг неожиданно осуществляться на аших глазах, широко раскрытых от изумления, переедшего скоро в страх за нашу участь. Дело в том, то мы заметили, как палуба и правый фальшборт, ежду третьим люком и машинным отделением, начали друг выгибаться кверху дугой, перпендикулярной длине удна. С левой же стороны, и в том же сечении судна, евый планшир фальшборта уже переломился. У меня, а, вероятно, и у всех, мелькнула внезапная мысль: «паоход ломается!» Да. Это было так. Я, не теряя ни инуты, бросился к себе в каюту, где захватил ракеты фальшфейеры, которые принес на мостик, боясь лииться средств сигнализации, которые в эту минуту азались куда драгоценнее и осмысленнее денег, платья, евольвера, одним словом, всего того, о спасении чего

не думалось и что я бросил на произвол судьбы в сво
каюте.

По приказанию капитана, чтобы спасти судно и гр
и не дать ему затонуть на глубоком месте, парох
направили прямо на мель, обозначавшуюся ходивши
по ней бурунами. Дали полный ход машине. Все был
как я уже говорил, наверху, и в ожидании купания
бортом, казавшегося близким и неизбежным, обвяз
вались спасательными поясами. В то же время безост
новочно давали ночные сигналы о бедствии, жгли смол
ные бочки, облитые керосином, и фальшфейеры, пуска
ракеты и даже стреляли в воздух.

Как только пароход снова носом хватил грунт, задн
мачта начала качаться и вскоре упала за борт. К
манда, еще в полном составе, собралась у мости
Паники никакой не было. Все были спокойны, сосре
точены и молчаливы. О немедленном спасении нече
было и думать: нельзя было никаким способом спусти
шлюпки, которые были бы тотчас разбиты о борт, т.
ветер бил сзади. Но потом судно немного повернулось
волны начали переливаться с силой через него. Од
из больших волн, сбив с ног, унесла за борт перв
жертву—нашего буфетчика В. Эргле, смыв его пря
с мостика. Эргле был первым, кого взял себе холодн
океан, собирающийся броситься на новую жертву.

Печальная судьба нашего товарища, погибшего
виду у всех, заставила нас удвоить осторожность. Креп
держались мы за все внушавшие доверие предмет
чтобы не быть смытыми валами, гулявшими свободно
палубе и достававшими часто до мостика. Все впери
лихорадочные взоры в темноту полярной ночи, отку
могло появиться спасение. И вся эта зловещая и тра

ческая картина освещалась тусклым светом фонаря, оревшего на верхней палубе. Но вот один из валов обрался и до огня—и все внезапно очутились в зловещей, полной всяких неожиданностей и опасностей, темноте, в которой каждый чувствовал себя обособленным предоставленным только самому себе и своим слабым илам, что еще больше усиливало напряженность переживания. Изредка лишь этот мрак, внезапно прерывался спышкой фальшфейера, озарявшей бледные лица с широко раскрытыми глазами, или светлой полосой ракеты, шумом исчезавшей в темноте над головой,—это было се, чем экипаж гибнущего *Ормесби* мог и пытался эту ужасную ночь дать знать о себе и о своей медленной агонии.

А что это была агония, в этом нельзя было сомневаться. Судно быстро разрушалось. Вот кормовая часть то начала погружаться все ниже и ниже, и валы все вободнее и все шире перекидывались через нее и гуяли поверху. Опять одна из волн, самая настойчивая и аз'яренная, добросилась до мостика и разбила уже вторую большую спасательную шлюпку и проломила мостик подхваченным ею боченком с пресной водой, который при падении сильно ушиб несколько человек из оманды, а в особенности плотника, который еле мог осле двигаться.

Часов около трех ночи море доделало свое скверное ело: корма отвалилась совсем и, скрывшись в бушующей пучине, погребла с собой всю нашу провизию, ают-компанию, каюты для жилья и все имущество судовой администрации. Погибло все самое существенное. Несчастному экипажу оставалось довольствоваться сохранившейся еще под ногами носовой частью, которой

Государств. публичная [illegible]

предстояло теперь уже самостоятельно выдержать ярост
ный штурм океана. Мостик также еще был в наше
распоряжении и это было большим благом для нас
Оставалось озаботиться сохранением всего, что еще име
лось под руками и могло быть полезным, почему я
особой тщательностью спрятал упавший боченок с пре
ной водой, чтобы до него не добралось море. Это было
кажется, все, что можно было причислить к провизии
при перспективе быть без нее неопределенное врем
при полной невозможности что-либо предпринять в да
ную минуту для облегчения нашей участи.

Промокшие и уставшие от непрерывного напряжени
сил, мы все сошли с мостика и залезли, спасаясь о
ярости океана, в штурманскую рубку. Разместившис
кто где и кое-как, проверили, сколько нас еще остав
лось. На этот раз налицо были еще все, исключа
несчастного буфетчика. Некоторые, вдоволь наглота
вшиеся горькой морской воды или расшибленные, чувств
вали себя очень плохо. Немного осмотревшись, подели
лись впечатлениями только что пережитого. Капита
и 2-ой помощник сообщили, что, смерив около 2 час
ночи глубину и найдя ее равной 7 саженям, они тотча
же дали полный ход назад из опасения наткнуться н
банку или берег. Но произошло то, что можно был
ожидать от судна, бывшего в таком плохом состоянии
как наше. Старая машина древней конструкции, требо
вавшая для своих маневров трех человек, работала н
задний ход очень плохо. Об этом мы знали уже давн
со слов ст. механика, но обстоятельство это тольк
здесь решающим образом оказало влияние на наш
судьбу. Как ни старалась работать несчастная машина
но в эту критическую минуту не смогла бороться с сил

ным нордовым течением, несшим нас на банку, с которой мы основательно соприкоснулись около 2 ч. 20 м. ночи. Удары о грунт были хотя и сильные, но все же, по словам боцмана, не настолько, чтобы свалить с ног человека сотрясением корпуса.

Перекидываясь словами и мыслями и прислушиваясь к завыванию шторма за стенами нашего убежища, мы молили судьбу о том, чтобы она оставила нам его неприкосновенным для защиты от непогоды. Рассчитывали в то же время и шансы на наше спасение, ощущая всем существом, что их остается ничтожное количество. Все же надежды не угасали, и мы постоянно выбегали поглядывать на море—не приближается ли кто-нибудь к нам. Неужели, — думалось,—все наши сигналы так и останутся бесплодными и незамеченными, и никто, никто не придет для спасения? Быть этого не может. Нужно ожидать. И мы ждали и ждали, ощущая в душе все более усилявшееся чувство отчаяния. Надежды наши были тщетны, и кругом, как и прежде, металась, как зверь, мрачная, волнующаяся стихия.

Вскоре закончилось наше пребывание и в рубке. Какая-то шальная волна, ударившись, разбила ее дверь и, мгновенно наполнив все помещение водой, выбросила нескольких человек на палубу. Пришлось всем выбираться наружу. И вот, разместившись по разным углам, держась за стойки и выступы, стоя наполовину в воде и временами окатываемые переливавшимися через голову ледяными волнами, мы в полном мраке, трепеща за свою судьбу, ожидали рассвета и спасения. Время в этой обстановке тянулось убийственно медленно. Словно вечность, текли минуты ожидания рассвета, когда, как нам казалось, так или иначе должна была решиться участь 23 жизней.

Около 8 ч. начал брезжить первый свет начинав
шегося хмурого и бурного полярного дня. Когда немног
рассвело, стало, наконец, возможным наблюдать всю кар
тину разрушения, произведенного штормом за ночь н
судне. Печален был вид судна, в особенности кормы
Оголившись, она немного торчала из воды, ежеминутн
покрываемая и сотрясаемая бушующей стихией; неве
селые мысли рождались в голове и от созерцания того
что было у нас под ногами в качестве маленького
островка, бывшим нашим единственным покуда спасе
нием. Но и его дни и часы, повидимому, были сочтены
нарушная обшивка и палуба во многих местах от по
стоянного напора волн и периодических ударов получил
зловещие трещины. Нужно было ожидать, что носова
часть скоро развалится, отдав нас давно ожидающей
холодной пучине, носившей с подветренной стороны
много обломков парохода. Вывалившийся наружу камен
ный уголь окрашивал воду в темно-серый цвет.

Еще до полного рассвета, среди сумрака, когда мы
стояли на палубе, окатываемые с ног до головы водой
я решил искать местечка посуше и, вспомнив про ма
ленькую каморку, где у нас хранилось разное масло
кое-как, напрягая свою ловкость, подражая акробату
добрался до нее.

Здесь оказалось уже целое общество: 3-й механик
боцман и матрос взобрались ногами на жестянки
с маслом, скрючились туловищами под низеньким под
волоком и в таком отменно удобном положении коро
тали свой досуг. С большим трудом, вероятно, прокли
наемый в душе многими коллегами, втолкнулся и я
к ним, но, постояв с полчаса по вышеописанному спо
собу, снова вышел на палубу, тем более, что интере
совался всем там происходящим.

К 10 ч. утра, когда стало уже совсем светло, шторм начал, к нашему приятному изумлению, понемногу стихать. Когда он утих настолько, что можно было, улучив удобную минуту, перебежать, не держась, с одной стороны палубы на другую, несколько человек пробрались на носовую часть судна и укрылись там в помещении для команды, куда до сих пор не было доступа. Я решил последовать их примеру и вот, в то время, как я, подняв железный люк, запиравший водонепроницаемый вход вниз, начал спускаться по трапу, поддерживая над головой опускавшийся люк,—последней, неожиданно перебежавшей через палубу волной, с силой был брошен и придавл н на место, при чем я получил глубокую рану на левой руке. Кое-как перевязав ее найденными тряпками, я спустился затем далее вниз и обошел внутри, насколько это было возможно, оставшуюся часть парохода. Большинство помещений оказалось разрушенными волнами. Кочегарка была полна водой с разбросанными повсюду обломками того, что в ней находилось. В матросском помещении было еще довольно сухо и там собралась почти вся команда, мокрая с ног до головы и едва двигавшая окоченевшими членами. Для того, чтобы отогреться, попробовали затопить печь. Это вначале удалось и наше общество ожило и повеселело, но ненадолго; перекинулась волна и, забравшись в трубу, потушила огонь, заставив нас снова мерзнуть и ежиться в сырой одежде. Настроение было отчаянное: сидели молча, т. к. никому не хотелось говорить. Кое-кто шарил и собирал по углам свое разбросанное водою имущество, главным образом, платье. Некоторые тут же надевали на себя найденные теплые вещи, не обращая внимания на их мокрое состояние—

выжимали влагу и напяливали, имея в виду всякие случайности впереди, а, главным образом, полярный холод. Судовой плотник дал мне пару своих теплых чулок из шерсти, которые я, отжав, натянул на озябшие ноги. Мое же платье в это время уже безвозвратно погибло вместе с кормой, где была моя и вообще все наши каюты.

Но и в этом убежище мы себя не чувствовали спокойно. Стены его временами, под напором волн, колебались и трещали, постоянно напоминая нам о ненадежности нашего положения. При каждой перекатившейся по верху волне из щелей потолка и стен лились на нас, и так уже мокрых, брызги холодной воды, подчас превращавшиеся в настоящие струи. Но все же здесь было лучше, чем наверху, где был ежесекундный риск совершить полет за борт с каким-нибудь неожиданно сильным валом, не успев по дороге ухватиться за какое-либо спасительное препятствие. Да, по правде сказать, и сил-то уж мало было в окоченелых руках, вряд ли бывших в состоянии крепко держать что-либо.

III.

В то время, как мы сидели, мрачными мыслями пронизывая возможное будущее, пришел сверху тот матрос, что сидел с боцманом и 3-им механиком в масляной каморке, и сообщил нам печальную весть о том, что морем взята уже вторая жертва и что нет в живых 3-го механика. Он и матрос, пробираясь из каморки к нам, были застигнуты на палубе волной, всей своей массой обрушившейся на погибшего и смывшей его за борт.

Вскоре после этого печального известия я решил подняться на палубу, т.к. меня занимала мысль о происходившем наверху. Затем хотелось попытать снова счастья и чем-либо сигнализировать о нашем бедствии. Нужно было снова пробираться с носа на мостик, проходя самое опасное место, только что подтвердившее эту свою репутацию. Волны свободно перекидывались через него с одной стороны на другую. Нужно было выбирать момент, и вот, в интервале между двумя валами, я промчался по скользкой палубе и благополучно достиг мостика. Капитан был здесь и на мое предложение сигнализировать, ответил, что и он пришел к этому решению. Выбрали флаги, обозначавшие «терпим бедствие», и я полез с ними по вантам единственной оставшейся мачты наверх, ежеминутно рискуя очутиться вместе с нею, еле державшейся, за бортом. Т. к. все снасти были порваны, то флаги пришлось привязать непосредственно к вантам. Закрепив их, спустился на мостик к капитану, стоявшему у штурманской рубки, и вместе с ним начал ожидать, что кто-нибудь, быть может, нас теперь и заметит. Все наши мысли, все разговоры с ним вертелись исключительно около этого томительного ожидания.

К полудню шторм снова начал усиливаться. Океан ревел во-всю и яростными волнами колотил то, что еще оставалось от нашего судна, все более расшатывая нашу последнюю опору. Все трещало под ногами от ударов. Швы расходились все больше и больше. В палубе между досками настила появились новые зловещие трещины, откуда при каждой волне, забегавшей внутрь судна, выбрасывались целые фонтаны. Наши товарищи, забравшиеся в носовое помещение, теперь

были отрезаны от нас, бывших на мостике. Мы ясно могли видеть, что положение их было тяжелым. Море по временам совершенно погребало под массой воды всю носовую часть и мы, думая об их участи, начинали самым серьезным образом опасаться за их жизнь: люк, запиравший вход, был открыт и они все свободно могли утонуть там, внутри судна, где как раз искали спасения. В этом страшном беспокойстве за них и нервном напряжении, мы, бывшие на мостике,—я, капитан и еще два или три человека—дождались вечера, когда к нам, после нечеловеческих усилий и риска, по одному добрались наши узники с носа. От них мы узнали, что опасения за их жизнь не были напрасными: вначале сидеть было тяжело, а под конец стало просто невозможно. Вода заполнила все помещение. Чтобы спастись, они полезли наверх на койки, но после того, как на глазах у всех, тут же в помещении, утонули матросы В. Крууз и К. Эрик и кочегар Брауверк,—оставшиеся живыми решили, чего бы это ни стоило, выбраться отсюда и добраться до мостика. Это удалось всем, за исключением старшего механика Терпеля. Не успев перебежать опасное место, он остался на баке и, чтобы спастись от волн, влез на брашпиль; стоя на нем, держась руками за железный штаг мачты, наклонно проходившей над брашпилем, он звал к себе на помощь. Его судьба решалась на глазах у всех. Он звал нас, но звуки его голоса еле-еле урывками долетали до наших ушей, заглушаемые воем ветра и океана. Положение было критическое. Налетавшие волны срывали его с брашпиля, и я с капитаном, содрогаясь от ужаса за его участь, видели, как он, держась руками за штаг, раскачивался волнами, точно маятник. Я хотел

росить ему конец с тем, чтобы он, обвязав его вокруг ела, позволил притянуть себя к мостику. Мне помогал апитан, но выполнить наше намерение было невозможно. колько мы не бросали ему конец веревки—последний отчас уносился за борт, подхватываемый переливавшейся одой. Да и самим нам приходилось все время быть на еку: в один момент я, размахнувшись веревкою, был бит с ног волною и покатился по палубе вместе с водой а борт, но успел по дороге обхватить руками какую-то тойку и тем спасся. Находиться на палубе становилось райне опасно и мы с капитаном ушли к мостику. Механик еле держался на своем месте. Но вот громадная олна скрыла от наших взоров весь бак, и когда она ронеслась, тяжелый вздох вырвался из всех грудей,— еханика уже не было: он исчез в море вместе с волой и, вероятно, долго плавал в нем, опоясанный спасательным кругом, покуда не окоченел и не захлебнулся ледяной воде.

Все молчали. Каждый думал одну общую мысль: каждого из нас ждет и не дождется море и никому не инновать участи только что погибшего товарища. На что адеяться? Откуда можно еще ожидать спасения?

Быстро темнело и скоро наступила ночь. Я и капитан направились в камбуз, куда залезла вскоре и вся оманда. Всем было холодно, хотелось согреться. Умудрились развести огонь в печи. Ясно ощущалось чувство трого голода, но есть было нечего—все погибло с коркой. Все же нашли в камбузе 7 сырых картофелин. Разрезали их на кусочки, поджарили в собственном соку на сковороде и с'ели. Каждому досталось по 2 кусочка. Подогрели пресную воду из боченка, спасенного мною из разбитой шлюпки, и выпили ее вместо чая, чтобы

влить внутрь немного тепла. Настроение царило мрач
ное, разговаривали мало. Временами нервно выбегал
на мостик и жадно всматривались в ночной сумрак
наполненный воем все усиливавшегося шторма, тщетн
пытаясь усмотреть какой-либо спасательный огонек
Но в душе почти совсем не верили, чтобы кто-либо мо
нас заметить в этом пустынном месте. А положени
становилось все хуже и хуже, и новые опасности росл
по минутам. Так, большая дымовая труба, у которо
оборвались штаги, раскачивалась во все стороны, соби
раясь упасть и разрушить мостик—наше последне
убежище, искалечив его обитателей. Но этого к счасть
не произошло, т. к. часов в 9—10 вечера шторм по
немногу начал стихать, волны реже перекатывалис
через судно, и на палубе даже появились места сво
бодные от воды.

Решили снова начать огневую сигнализацию: зажгл
большой костер из найденной смоляной бочки и разны
деревянных обломков судна, обливая все это предва
рительно смазочным маслом, керосином и проч. Ночь
очистилось небо, и с его холодной глубины на нас равно
душно смотрели звезды—единственные посторонние зри
тели нашего бедственного положения.

Несмотря на громадный костер, верхушкой своего
пламени достигавший средины мачты, нас все-таки
никто не замечал; тщетно силились мы своими напря
женными взорами отметить хоть что-нибудь, подающе
надежду на помощь. От нервного напряжения начались
галлюцинации: так, те, кто сидел на вантах и осма
тривал горизонт, несколько раз утверждали, что ясно
видят мелькающий в волнах огонь, но сколько я и ка
питан ни смотрели по указываемому направлению—так

ичего и не могли различить в густой тьме, окружавшей удно, хотя огонь Орловского маяка, бывшего от нас 15—20 верстах, мог быть нам виден.

Покуда горел огонь, команда собралась к нему по-лиже, теснясь к самому огню, чтобы согреть продрог-ее от непрерывного купанья тело и хоть немного высу-нить мокрую одежду. Снимали с ног для просушки и бувь и отметили при этом, что ноги от холодной ванны ачали уже пухнуть. Онемевшие члены совали прямо огонь и так грелись часов до 4-х утра, когда снова свежел ветер, и волны, потушив наш костер, загнали сех нас в камбуз. Здесь ожидала новая неприятность: оре, бившееся внутри судна, разворотило понемногу ол камбуза; между досками, прыгавшими вверх от удара олн, образовались щели, из которых временами взды-ались целые фонтаны, отравлявшие нам все существо-ание. А тут еще и пол грозил развалиться и отправить ас в трюм, где, разумеется, представлялась полная воз-ожность утонуть. Быстро решили что делать: прита-дили сообща толстые доски, наложили их на щели, и, тобы их не отрывало от пола, уперли стойками в пото-ок. После этих мероприятий в камбузе водворилось екоторое спокойствие, позволившее даже кой-кому здремнуть, после всех перенесенных испытаний и ожидании грядущих, — не стесняясь тем, что отды-ать можно было только сидя на корточках. Но это не огло считаться препятствием сну, и мы довольно благо-олучно продремали так до утра, набившись тесно камбуз. Случалось, впрочем, что вода внезапно пробив ол, обливала кого-нибудь из спящих и последний испуге громко вскрикивал, воображая, вероятно, в дре-оте, что уже гибнет.

К утру ветер начал стихать, и море несколько уме
рило свою ярость. Занялся тусклый день, и в предрас
светном сумраке понемногу выри овывались своим
подробностями наши фигуры, сидевшие на полу, с изму
ченными лицами, покрытыми слоем морс ой соли, осе
вшей белым налетом на всем, что было смочено водой
Вместе с рассветом, принесшим ослабление шторма
опять у всех закопошились, казавшиеся погасшими
надежды на спасение. Снова все высыпали на палубу
полезли на ванты и жадными измученными взорам
начали сторожить горизонт и искать какую-нибуд
точку, которую можно было принять за идущую помощь
Но ничего нигде не показывалось. В душу заползал
змеей отчаяние, а мысль все больше и больше верте
лась на том, что необходимо пытаться из создавшегос
положения, близкого к трагической развязке, выходит
собственными усилиями. Тем более укрепляло нас в это
созревающем решении сознание близости берега. М
знали направление на него и даже, как будто, когд
совсем стало светло, он, этот спасительный берег, чут
видной туманной полосой вырисовывался на горизонте

К этому времени шестеро из команды уже погибл
и живыми оставалось 18 человек. Никаких средств спа
сения, исключая чудом уцелевшую старую шлюпку
могшую поднять пятерых, — у нас не было. Для остал
ных тринадцати нужно было что-нибудь изобретать
строить. Что же можно было выдумать другое, кром
плота, заслужившего уже с незапамятных времен почет
ное звание спасителя гибнувших. И вот, из всего, чт
только попадалось под руку деревянного—разных досок
целых люков, трапов и просто обломков — спешно нача
сооружаться плот — опора наших надежд. Живо кипел

абота: подносился материал, все связывалось веревками
по величине глазомерно рассчитывалось для под'ема
ринадцати человеческих тел. Попутно выяснялся вопрос:
то же взять с собой в качестве пищи? Таковой в соб-
твенном смысле, у нас не было с тех пор, как мы
ничтожили единственные семь картофелин. Брать казалось
путешествие было нечего. Но 2-ой пом. капитана
редложил в нашем положении не брезговать вареным
аслом, в достаточном количестве сохранившемся в масля-
ой каморке. К маслу присовокупили грязное сырое
ало для смазки блоков, после чего положение наше
смысле пищи было признано обеспеченным; желать
ольшего — значило бы обнаруживать в себе выходившие
а пределы скромности вкус и аппетит. Оставалось
аботиться о питье. Пресной воды был у нас всего
дин боченок, предусмотрительно спасенный мною из
азбитой шлюпки, несмотря на его некорректное пове-
ение с некоторыми из моих товарищей, которых он
сновательно разбил при падении. Больше воды не было
приходилось ограничить себя этим количеством. Кроме
ровизии собирали и забирали все, что могло приго-
иться нам в путешествии: взяли судовой компас, ока-
авшийся затем испорченным, захватили все имевшиеся
еревки, также ведра и жестяные банки из-под масла
ля отливки воды. На случай подачи сигналов, я хотел
взять судовой колокол, но сколько ни старался — не мог
торвать его. Капитан Юргенс распределил всех — кто
ядет в шлюпку, кто поместится на плот. Предполага-
лось, что шлюпка, как вооруженная средствами пере-
вижения — четырьмя веслами, поведет на буксире плот,
которым будет поочередно обмениваться командою греб-
дов, чтобы дать возможность обогреться тем, кто, сидя

на плоту, был обречен печальной участи холодного купанья.

Все, наконец, было готово: плот и сборы. Так как шансов на благополучный исход нашего предприятия было мало, то, чтобы не пропасть окончательно бесследно мы на стенах рубки и каморки, карандашем и краской записали на всякий случай сколько нас с'ехало с парохода, причину его гибели, затем наши адреса и имена. Теперь можно было спускать нашу флотилию на воду и садиться. Чтобы избежать лишнего груза, капитан в последнюю минуту произвел осмотр того, что каждый брал с собой, и, несмотря на воркотню некоторых, заставил их, увлекшихся слишком детальным спасением своего хлама, часть его оставить на борту парохода. Общими дружными усилиями подняли плот и на веревках осторожно спустили его за борт в воду. Спущенную предварительно до уровня борта шлюпку, нагрузили нашими скудными припасами и спустили затем на воду вместе с человеком, не позволявшим ей биться о корпус, к чему она имела большое поползновение, несмотря на подветренную сторону спуска. Наконец, наступил и самый торжественный момент посадки и оставления *Ормесби*. Все снова надели на себя спасательные пояса, сушившиеся в камбузе. Один куда-то исчез и ему как раз не досталось капитану. Живо связали полотнище флагов, набили их бывшей в штурманской рубке пробкой и пояс для капитана был готов. В последнюю как раз минуту я вспомнил, что забыл захватить мешок из под матраца, найденного мною выброшенным из кубрика и опорожненного от набивки. Его я хотел взять, чтобы ночью в море, в случае надобности, облив керосином, зажечь в виде факела для сигнала. Поискав, я заметил

его неожиданно, уже намотанным на шею в качестве
нарфа, у нашего юнги ученика Петрогр. училища дальнего
лавания, Мясникова (после погибшего), — и не стал
ребовать.

Как ни странно, но когда подошла последняя
инута разлуки с тем обломком, что остался от нашего
ранспорта, из-за прекрасного состояния которого
естерых уже не существовало в живых, а остальные
осемнадцать готовились разделить их участь, — все же
этот последний момент нам стало жаль нашего паро-
ода, с которым мы уже сроднились своими страданиями.
вот всех потянуло еще раз обойти его и сказать
оследнее «прости». Пошел и я, и встретил одиноко
тоявшего капитана, на лице у которого прочел скорб-
ое выражение волновавших его чувств. «Вот, разве мы
огли рассчитывать очутиться в таком положении?» —
казал он с горечью и ушел прочь.

Приступили к посадке людей. По веревке, висевшей
ад шлюпкой по борту, начали спускаться в шлюпку,
тобы оттуда перейти на плот. Смотря на процедуру
пуска, я удивлялся: почему это все так плохо спу-
каются по веревке, точно падают. Однако, когда подо-
ла и моя очередь лезть за борт, я, испытав общую
часть и шлепнувшись в шлюпку, понял, что от двух-
невного голода и холода силы в мышцах сбавилось
орядочно. А впереди предстояла трудная и длительная
изическая работа.

Не успели мы покинуть борт транспорта, как нам
ришлось сильно разочароваться: наш плот, на который
ы возлагали так много надежд, отказался поднять
же пятерых и начал под их тяжестью погружаться

в воду. Получилось тягостное положение, повергше в прах наши мечты о спасении. Обсудив его, мы пр няли следующее решение: т. к. всех забрать нашим средствами оказалось невозможно, — на берег отправит одна шлюпка, не связанная таким тормазом, как плот Без него она гораздо быстрее достигнет суши и вышле оставшимся помощь. Капитан предложил мне ехат начальником этой экспедиции и предоставил выбрат себе товарищей по моему усмотрению. Я остановил на четырех самых надежных, по моему мнению, реш взять: 2-го механика П. Ярепа, боцмана Г. Венцел кочегара А. Каска и матроса У. Вассермана.

Покончив с выбором, выгрузили из шлюпки част уложенной туда раньше нашей, так сказать, «пров зии», т.-е. масла и сала, для тех, кто оставался н судне. Затем отделили им часть пресной воды и, ког все было готово, распрощались с нашими товарищам не зная — увидим ли мы их еще живыми. Нам, стоя шим уже в шлюпке, кричали все сверху, чтобы м скорее спешили добираться до берега и выслали б с теми, кто придет для спасения, хлеба. По тоскующи печальным лицам оставшихся, по нервозности пожел ний ими нам полного успеха, с которым было связа столько жизней, могли мы догадываться, что долж было происходить в душах тех, кто принужден б вверить свое существование шаткой развалине, бывш под ногами и грозившей ежеминутно разрушиться око чательно.

Около полудня мы отвалили от транспорта, ясн ощущая биение и трепет тринадцати сердец и сознава что являемся единственной опорой всех их надеж С этого момента мы были вручены только своему счасть

Отойдя от парохода, мы обошли его с кормы. С шлюпки вид был еще печальнее, чем сверху: переборка машинного отделения была разрушена волнами и открывала всю внутренность машинного отделения. Отвалившаяся корма чуть еще возвышалась над поверхностью воды, в это время уже довольно спокойной.

После этого обзора навалились на весла, взяли направление на берег, надеясь достичь его к вечеру того же дня. Старая наша шлюпка, как и следовало ожидать, давала сильную течь и одному из нас все время приходилось отливать банкой из под консервов прибывавшую воду. Это непредвиденное обстоятельство понизило наше настроение и поселило некоторое сомнение в успехе, и так уже находившемся под большим сомнением. Но остановить нас оно не могло, и мы усиленно гребли, переменяя уставших гребцов с тем, кто сидел на руле; он же отливал и воду. Подвигались медленно и работали веслами с большим трудом: мешала большая волна, были тяжелы весла, но главное—заключалось в том, что сами мы уже достаточно обессилели. Все больше и больше отходил в даль оставленный нами инвалид-транспорт. До самой темноты его туманный силуэт вырисовывался на горизонте, пока, наконец, не слился с сумраком надвигающейся ночи. Компас наш был испорчен и держать направление приходилось сообразаясь с ветром, замечая под каким углом дует он на шлюпку и стараясь этот угол держать таким, каким он был при отплытии с транспорта. Разумеется, это могло быть сравнительно правильно только в предположении, что ветер оставался постоянным. В туманную погоду, когда днем не было солнца, а ночью звезд, этот способ ориентировки среди океана был единственным.

К вечеру небо стало немного проясняться, и мы уд
дели его темную синеву, и по блестящим на нем дал
ким светилам поверили наш курс. Но чем больше вст
пала в свои права ночь, тем становилось облачнее
пасмурнее. Закрылось снова сплошь небо и засвеж
ветер. Мы уже чуть не полсуток гребли, а берега в
не было, сил же оставалось немного. Установили пор
док, по которому трое гребли, один правил и вылив
воду, выполняя функции водоотливного механизм
а один, наконец, по очереди спал. Так прогребли в
ночь, блуждая во мраке и тумане. Иногда расстроенн
воображение заставляло принимать расстилавшуюся в
реди мглу за страстно ожидаемый берег. Как все пр
нимались тогда работать, как налегали на весла, напр
гая все, что оставалось еще в мускулах. Но проход
время, и появившаяся надежда заменялась горьким ра
чарованием и сознанием общей ошибки. Заколдованн
берег не становился ближе, а все уплывал и уплыв
при нашем приближении или исчезал даже совершен
с тем, чтобы появиться снова для нового самообмана
Мы галлюцинировали.

Настало, наконец, и утро,—сумрачное, туманно
ничего нам не принесшее. Нигде наши взоры не мог
заметить земли. А мы гребли и гребли и думали,
«а вдруг ветер изменил за ночь свое направление? К
тогда ориентироваться, с какой стороны искать сущ
И не бесплодно ли мы в настоящую минуту теря
наши последние силы, быть может даже удаляясь
нее?...» Показалось около полудня солнце, прекрати
наше волнение и подтвердило, что ветер нас пока
обманул, т. к. дневное светило оказалось на своем мес

и мы до самого вечера держали его, как это было нужно, на левом борту.

Начало темнеть, и вдруг на горизонте показалась полоса, около которой плавал лед, наполнивший своим видом наши души радостью. Неужели это берег?.. И как странно: судя по ветру его здесь не должно было быть. Но сомнениям не оставалось места: ясно видны были заливы и сквозь пелену тумана вырисовывалось что-то похожее на горы.

Заработали весла, и быстро полетела с волны на волну, в направлении земли, шлюпка. Сквозь все более и более сгущавшуюся тьму нам даже казалось присутствие в желанной стороне какого-то робко светившего огонька. Но вот над головой ярко заблистал звездный узор. Снова мы начали, читая его, определять правильность нашего курса и по Полярной Звезде тотчас же с отчаянием убедились, что и на этот раз ошиблись: там, куда мы гребли, земли быть не могло, а то, что мы видели—был мираж, продукт нашей нервной напряженности.

Похоронили опять наши надежды. Весла вывалились из рук, и почувствовался страшный упадок сил. Организм требовал отдыха, а тело, продрогшее в сырой одежде,— тепла. Решили отдыхать и греться. К бортам шлюпки веревками притянули за ушки широкий жестяной бак, так, чтобы он, вися в воздухе, не касался дна. На этом баке развели огонь и поддерживали его пробками из спасательных кругов. Иного топлива не имелось, да и жалеть не приходилось круги, т. к., если бы с ними и очутились в волнах, то все равно не спаслись бы в ледяной воде.

Пробка дымила и коптила, но мы, не обращая на это внимания, жались к огню, стремясь отогреть коченеющее тело. В другой жестянке согрели немного пресной воды и выпили вместо чая. Отогревшись немного снаружи и внутри, вернулись к прерванной работе, несколько изменив прежний порядок: теперь двое сидели на веслах, один на руле, и двое спали. Смена очередей велась через два часа.

Прошла еще одна томительная ночь и наступило утро 1-го ноября. Погода к нашей радости обещала быть, ясной, и с восходом солнца мы снова взяли правильное направление. На этот раз счастье нам улыбнулось: через полчаса работы после восхода, на ясном горизонте, верстах в 4-5 от нас, ясно различался, и всем одинаково, в подробностях, высокий массив Мурманского берега, покрытого снегом, из-под которого местами проглядывали резкие, темные пятна грунта.

Радостными возгласами приветствовали мы близкую цель нашего путешествия, в реальности которой убеждались все более и более, различая по мере нашего приближения и непрерывную, прибрежную полосу плавучего льда, шириною около 2 верст. Нигде сквозь нее не было свободного подступа к берегу, и мы убедились, что придется, очевидно, пробиваться шлюпкой сквозь лед. Держа прямо на землю, скоро достигли и льда. Вначале он был мелкий, вроде каши, и шлюпка, хоть и с трудом, но двигалась сквозь него довольно успешно. Пройдя кашу, натолкнулись на мелкие, отдельные льдины. Думали, что здесь сейчас же и станем, но против ожидания начали продвигаться даже быстрее, чем по каше. До берега оставалось всего каких нибудь $1^1/_2$—2 версты. Льдины все увеличивались и увеличивались в размерах,

плавали все гуще и гуще и становилось очень трудно протискивать между ними шлюпку. Мы напрягали последние силы, распихивая куски льда в стороны веслами, и кое-как проталкивались вперед. К полдню всего верста разделяла нас и сушу, манившую так своею близостью. Но лед все густел, а силы быстро иссякали, а скоро и совсем нас оставили. Озябшие руки не держали весел. Мы стали и больше вперед двинуться не могли ни на шаг,—ни на лодке, ни по льду, который не держал тяжести тела. Не верилось, чтобы после стольких страданий, добравшись почти до берега, близость которого мы так ясно ощущалии к чему так мучительно стремились,—нам не суждено было почувствовать его под ногами. Но вместе с тем мы сознавали, что дальше двинуться не сможем. Все упали духом и молча сидели, сосредоточенно смотря на раздражавшую своей близостью землю и ожидая, что, быть может, кто-нибудь нас заметит оттуда и придет на помощь. Но все было напрасно, и ни одно существо не нарушило гармонию пустынности берега, куда нам не суждено было, очевидно, ступить. Опять спустилась на нас полярная ночь, с ее яркими звездами в бездонной глубине темно-синего купола. Усталые нравственно и физически, дрожащие от холода, зажгли мы снова костер из пробки и сели впятером вокруг, держа руки над огнем. Некоторые сейчас же крепко задремали, согретые теплотой костра. Боцман заснул так, что проснулся лишь тогда, когда у него на коленях загорелись брюки. Открыв глаза, он спокойно и флегматично руками потушил горевшие коленки и не прошло минуты, как захрапел снова. Другие среди сна падали прямо в огонь, обжигая себе лицо и руки, моментально вскакивали, схватываясь за

обожженное место, терли его и присаживались опять к огню для повторения той же истории.

IV.

Так как топлива у нас в виде спасательных кругов было немного, и мы не знали, долго ли еще придется болтаться по океану, то из экономии огонь поддерживался не всю ночь, а всего часа три или четыре. Временами мы подавали сигналы о своем присутствии во льду: жгли пропитанные керосином тряпки, поднимая их кверху на весле. От дыма пробок и тряпок все в конце концов так закоптились, что мы стали похожи на чернокожих.

Потух огонь, и нас охватила морозная атмосфера. Было, впрочем, не очень холодно, всего 4°—5°, но эта незначительная температура переносилась с трудом, благодаря сырой одежде, не успевшей просохнуть. Но ни сырость платья, ни холод не могли помешать нам отдыхать после измотавшей мускулы работы, и мы так же крепко спали, покрытые мраком и холодом полярной ночи, как и при костре.

Ночью я проснулся от какого-то шума и, осмотревшись, тотчас же сообразил, что положение наше грозило ухудшиться. Затишье кончилось и подул довольно свежий ветер, взявший направление от берега в море. Неподвижное и молчаливое, как только может быть молчаливым среди полярной ночи, ледяное поле вдруг ожило и зашевелилось. Вокруг шлюпки слышалось характерное шуршанье двигавшегося мелкого льда и ломались напиравшие и налезавшие друг на друга

ьдинки и вся эта масса, крепко державшая нас, медленно уплывала в глубь океана, отделившись от заколдованного для нас берега.

Товарищи также давно уже проснулись и, поняв в чем дело, молчаливо созерцали происходившее, полные сознания надвигавшейся новой грозной опасности. Перспектива быть унесенными в безграничный простор океана оставляла мало места для каких-либо, даже самых слабых, оптимистических настроений. Ясно было, что нас ожидает там, куда мы, против нашей воли, обессиленные всем предыдущим, неслись в эту ясную северную ночь, смотревшую на мир миллионами светлых мерцающих очей. Пришел рассвет, заставший нас уже в открытом море, среди редкого плавучего льда. Берега, разумеется, нигде не было видно. Погода немного нахмурилась, и временами падал редкий снег. После отдыха прибавились силы, как-то окреп дух, и, несмотря на беспредельные пространства вод, открывавшиеся взору, и, казалось, этой беспредельностью подтверждавшие безысходность нашего положения,—мы все же решили искать сушу. Призвали снова ветер в качестве компаса, взяли весла и пустились наудачу, испытывая собственное счастье, для того, чтобы, проработав довольно долгое время, удивиться тому, что оно нам улыбается. Короче сказать, к нашей радости мы увидели на горизонте очертания неведомой нам земли и быстро начали грести в ее направлении, боясь в глубине души, как бы не пришлось убедиться в ошибке нашего зрения, заставившего радоваться миражу. Но укорачивающееся расстояние мало-по-малу рассеяло наши опасения с этой стороны, — зато мы увидели, что между нами и берегом опять протянулась проклятая ледяная масса, чуть раз нас не

погубившая. Подойдя вплотную к ледяному полю, долго шли мы вдоль его края, ища или совсем свободного подступа, или хотя бы более узкого места. То казалось, что недалеко впереди как раз есть таковое,—мы мчались туда и, убедившись в ошибке, тотчас же совершали новую. Целый день бились мы таким образом и, потратив массу энергии, не достигли никакого результата, нигде не найдя удобного для подхода к суше места. Силы начали резко падать и опять закопошилось улегшееся было отчаяние, тем более, что стало быстро темнеть, а ветер к ночи все крепчал и крепчал и разразился, наконец, снегом. Созрело решение ломиться прямо через лед: врезались в него шлюпкой, гребли, пропихивались веслами среди льдин, изнемогая в борьбе с препятствием, пока, наконец, вымотав окончательно последние силы, не признали себя побежденными ледяным полем, крепко ущемившем шлюпку в своих об'ятиях.

Предстоял ночлег во льду. Так как можно было опасаться, что ночью шлюпка, попав между льдинами, может быть ими раздавлена, то мы предусмотрительно оградили себя от этой возможности и, собрав последние силы, вытянули шлюпку на большую плоскую льдину, после чего залезли внутрь нашего утлого убежища, готовясь провести новую ночь страданий. Очень хотелось есть, но утолять голода было нечем, а до масла и сала, как ни мучительно ощущалась внутри пустота, мы еще не решались прикасаться. Кто-то предложил есть снег,—и вот мы начали набивать им рот и проглатывать сжатые руками комочки — все-таки, получалось впечатление процесса насыщения. С момента осуществления этой, внезапно осенившей одного из нас идеи, снег сделался для нас единственной пищей в течение

долгих дней нашего скитания на границе жизни и смерти.

После снегоедения холод особенно давал себя чувствовать. Вместе с тем страшно клонило ко сну. Развели на пробках костер и, погревшись, посушившись, легли спать. Всю ночь кругом двигалось, скрипело, шуршало и ломалось ледяное поле, по которому ходили свои ледяные волны, поднимавшиеся волновавшимся под корой морем. Но шлюпка наша, а в ней мы, благополучно достояли на льдине до утра. А утро вышло пасмурным и снежным и не радовало нас. Снова позавтракали снегом. Осмотревшись кругом, замечали во все стороны до горизонта шероховатую ледяную поверхность и ничего более. Ни нашего берега, что мы видели вчера так сравнительно близко, ни свободной воды—нигде не было. Повидимому, нас опять незаметно, вместе с полем унесло от земли.

Захотели испробовать,—нельзя ли путешествовать прямо по льду? Попытались, но получился отрицательный результат: лед не держал тяжести, т. к. его куски были мелки и неустойчивы, да к тому же стояла зыбь, и под ледяным полем ходили все время волны.

В желудках, несмотря на снег, была томительная, мучающая пустота, почему мы, в конце концов, обратили внимание на наши продукты. С мужеством отчаяния я и товарищи откусили вонючего грязного сала, но проглотить его никто не смог, такое оно было отвратительное на вкус. Потерпев неудачу с салом, взялись за вареное масло. Но и тут ни один глоток его не пошел в глотку. После этих неудавшихся, к нашему огорчению, опытов, жестянки с их прекрасным содержимым решительно и без сожаления были выброшены за

борт на лед, и мы согласны были скорее умереть, чем согласиться еще раз пробовать эту гадость. Решили уж лучше есть снег. И озябшими руками, еле забиравшими и сжимавшими в комочки, для удобства употребления, мокрый снег, мы начали снова им насыщаться, покуда страшно не озябли.

Весь этот день прошел в том, что мы то путешествовали вокруг нашей льдины, пробуя пробираться по льду, то собирались к шлюпке, садясь с подветренной ее стороны, по два или все вместе, прижимаясь друг к другу, чтобы было теплее. Когда особенно сильно давал знать о себе пустой желудок, собирали и ели снег. Погода до самого вечера была пасмурной, кое-когда шел снег. Ни солнца, ни звезд не было видно и ориентироваться в пространстве было не по чем. На ночь залезли в шлюпку, захватили с собой ведро снега и ели его, думая, что ужинаем, до тех пор пока не заснули, прижавшись друг к другу. Просыпаясь ночью, заметили, что лед передвигается, но, при отсутствии средств ориентации, нельзя было понять направление его движения.

Настроение граничило с тоской и отчаянием. Больше все молчали. Лишь изредка принимались мечтать о недоступных радостях жизни. Каждый выражал свое особенное желание: кто жаждал только попасть на берег, другой видел предел счастья в кусочке хлеба, третий в трубке табаку или в глотке воды и т. п. Это невинное занятие немного отвлекало мысли от печального созерцания действительности и развлекало нас. Впрочем, как ни было тяжело и грустно, все же у нас теплилась маленькая надежда на то, что, в конце концов, наши мытарства закончатся, и мы почувствуем под ногами твердую почву.

Так болтались мы на льдине, среди неизвестно куда лывшего льда, ночь и начало следующего дня. Приблизительно около полудня совершенно неожиданно увидели какой-то берег. Не верили даже своим глазам, так ошеломило и обрадовало нас его внезапное появление. Что это за земля, мы не знали и, только дождавшись ночи, показавшей нам звезды, мы по последним могли установить свое географическое положение—это был восточный берег Белого моря—Канинский полуостров.

Ночь провели в шлюпке, где очень мерзли, т. к. было холодно. Разложили костер, но не надолго: запасы пробки кончались и нужно было соблюдать экономию. С утра стала ясная солнечная погода. До земли было верст 8 расстояния и нас несло вдоль нее к северу.

Временами нам случалось подходить к берегу ближе, и тогда мы пытались снова перейти по льду, но по-прежнему терпели неудачу. Явилась мысль о сигнализации: на весле подняли сажени на три вверх флаг и долго ожидали признаков какого-либо движения на берегу, скользя по нем напряженными взорами и чувствуя биение сердца. Наши темные, закоптевшие физиономии, обращенные все время в одну сторону, несмотря на грим, ясно отражали и отчаяние и сменявшую его надежду, которая опять переходила в отчаяние. Все же близость земли действовала благотворно, и надежда побеждала. Не верилось, что и на этот раз земля опять ускользнет от нас, и мы не будем освобождены от своего ледяного плена. И под влиянием уверенности в нашем счастии, мы стали бодрее духом, ожили и даже шутили, ни на секунду не отрывая глаз от берега. И вдруг, чуть не все разом вскричали от радости, проявившей на наших черных задымленных лицах: далеко

на горизонте, там, где ясно виднелся широкий морской залив, у берега, непосредственно над морем, протянулся сперва струйкой дым, а затем показался и пароход.

Облегченно вздохнули наши груди:—все позади, мы замечены и уже идут спасать. Это была единственная мысль, вмещавшаяся в эту минуту в наше сознание.

Уверенность нашла себе, казалось, прочное основание в том, что по нашим наблюдениям, дым стал как будто приближаться. Долго и мучительно-напряженно ожидали мы на своей льдине этого приближения, но пароход точно застыл на одном месте.—Быть может он, так же как и мы, застрял во льдах и еле-еле пробивается сквозь их толщу,—вертелось в голове успокаивающее тревогу предположение. Но вместе с тем замирало сердце, что-то сдавливало горло, и в этом переживании прошел, наконец, и день. Вот уже и вечер, не видно даже и дыма. Еще больше заныла и заворочалась в груди тоска, но и надежда, так ярко было вспыхнувшая, все еще твердит:—подождите, покрепитесь до завтра. Пароход вас спасет.

Спустилась новая ночь. Опять мы залезли в шлюпку и, поев снега, тесно сжавшись в кучу для теплоты, крепко заснули в тяжелой истоме, не замечая холода. На утро радость: дым виден снова и как будто даже яснее и ближе, чем вчера. Опять нервная дрожь ожидания... и, в конце концов, горькая истина была установлена: он, наоборот, уходил от нас, скрываясь и бледнея за горизонтом, на фоне бледно-свинцового неба. И по мере того, как в дали океана таяла его темная струйка, вместе с ней таяли и наши мечты быть, наконец, спасенными.

Итак, мы опять одиноки на своей льдине. Вокруг—пустота и утомляющее однообразие полярного моря,

казавшегося нам в эту горькую минуту не только равнодушным к нашему бедствию, но точно насмехавшимся над нами, торжествовавшим от сознания своего мрачного могущества.

Впрочем, ясно был виден и недоступный берег, на котором жили, думалось, счастливые люди, казавшиеся нам такими чуждыми, недоступными и далекими, так как не чаялось уж, что мы сможем когда-нибудь вступить с ними в общение.

V.

Ледяное поле, крепко нас державшее, довольно быстро двигалось к северу, вдоль пустынного и однообразного берегового пейзажа. Это движение не обещало ничего хорошего: с результатами его мы уже достаточно ознакомились. Но волей-неволей приходилось плыть туда, куда оно нас увлекало.

Томительное однообразие нашего подневольного плавания один раз было нарушено появлением большого тюленя. Недалеко от шлюпки, саженях в 10—15, из одной трещины вдруг показалась круглая черная голова, внимательно нас осмотревшая, с удивлением, но без испуга, так как вслед за этим на льду оказалось громадное темное туловище. Грузно повернувшись на бок и недолго понаблюдав за нами, этот единственный живой свидетель нашего горя, соскользнул в свою трещину и скрылся под льдом. После снежного меню, ничем в в течение уже нескольких дней не разнообразившегося и заведшего в желудке почти абсолютную пустоту,— перспектива получить к столу тюленье мясо показалась нам восхитительной. Оружия у нас не было, но можно было попытаться добыть его одними веслами. Вооружи-

вшись ими, мы расселись вокруг отдушины, но сколь ни сторожили этого жителя полярных морей,—он у более не показывался.

Так, в утомительно однообразном унынии, ожида какого-нибудь чудесного спасения, шли мы вместе с льдом вдоль земли, к которой случалось подходить до вольно близко. Увидев как-то к нашей радости каку то одинокую, заброшенную хижину, мы воспрянул духом и долго провожали ее глазами, ожидая появлени людей, которым все время сигнализировали флагом,— но оттуда никто не пока ывался. Очевидно, она была пуста

В это время мы начали страдать от появившегос неприятного спутника—сильной опухоли лица и ру сопровождавшейся значительной болью. У меня, впрочем и у боцмана, к счастью, этого не замечалось, зато бедного 2-го механика Яреца так сильно опухли конеч ности, что он еле мог двигаться. Матрос Вассерма также страдал от боли в опухших ногах; сняв сапог он совал ноги в снег, утверждая, что чувствует значи тельное облегчение. Это неприятное явление было след ствием холода и непрерывной сырости нашего платья обуви, от которой, в условиях нашего путешествия освободиться было немыслимо. Становилось несомненны что если мы принуждены будем провести на льдине ещ несколько дней, то вопрос существовании будет реше одним только холодом.

Ясно было, что нужно употребить все усилия и по пытаться во-время добраться до суши. Но чуть тольк мы выползали за пределы нашей спасительной льдины как проваливались в ледяную воду и, возвращаясь обратн в шлюпку, приходили к печальному выводу о полно

безнадежности этой мысли. Оставалось одно: сидеть на месте, есть снег и ожидать грядущего конца.

В молчаливом, тупом и равнодушном ко всему настроении прошел медленно день—шестой по счету, как мы носились заброшенные в океане. Нам даже нечем было согреться в холоде надвигавшейся ночи, так как круги давно уже были сожжены, и мы могли рассчитывать только на тепло своего организма. Для ночлега собрались в тесную кучу в шлюпке и, накрывшись сверху дождевиками, старались надышать в наше убежище побольше теплого воздуха и согреть застывшее тело. На помощь нам пришла на этот раз природа: густо пошел снег, скоро покрывший нашу бесформенную кучу толстым слоем и помогший кое-как отопить дыханьем наше помещение. Относительно теплый воздух и теплота соприкасающихся тесно тел сделали свое дело: мы быстро и крепко заснули в ожидании завтрашнего дня. Что-то готовит он нам?

Утро его нас ободрило—вышло ясное и светлое солнце. Вылезши из нашей норы, мы с большими усилиями расправили ослабевшие и застывшие члены.

Позавтракали снегом и стали во всю стучать зубами и трястись всеми мускулами от внутреннего и внешнего холода. Особенно усердствовал в этом веселом занятии механик, еле стоявший от слабости, и то при опоре на что-нибудь. Да и все мы ощущали такой упадок сил, что стали серьезно готовиться к смерти. Впрочем, с мыслью о ней, с представлением о ее неизбежном приходе—все давно освоились. Но умирать в полной безвестности, не оставив о себе никаких следов, все же не хотелось. У меня был чернильный карандаш, и вот, дрожавшими от холода, о отнюдь не от волнения, руками, написали

мы на борте шлюпки свои имена, адреса и нашу крат
кую и печальную одиссею. Теперь как-то легче бы
встречать конец, связав себя с остальным человечеством
кривыми строчками, появившимися на борту лодки
В эту минуту никому уже не приходила в голову мысл
о возможности восстановления какой-либо связи с дале
ким от нас миром себе подобных, т. к. этот день казал
нам уже последним в нашем существовании. Еще м
надеялись дотянуть до вечера, чтобы, заснув, больше н
проснуться.

День тянулся долго, однообразно и уныло. Холо
казалось, пронизывал тело до самых костей. Рук
и ноги ныли и болели. Когда уже особенно стан
вилось невтерпеж от стужи, мы выползали из шлюпк
на льдину и, держась руками за борт, бегали вокру
разминая коченеющие конечности и восстанавливая не
много кровообращение. Иногда на горизонте показывал
дымок знакомого уже парохода, не заставлявшего, впроче
теперь волноваться и ожидать его, т. к. ясно было, чт
он сам затерт льдом и стоит неподвижно. Стало смер
каться, и на океан быстро надвигалась темнота. Ита
мы, значит, до ночи дотянули. А раз дотянули до не
попробуем дождаться и дня. И забравшись в шлюпку
по испытанному накануне способу, давшему относительн
превосходные результаты, мы снова сбились в тесну
кучу и прикрылись всеми дождевиками. Вначале что-т
не спалось, зябли, корчились и ворочались, наблюдал
в дырки нашей крыши темное полярное небо с ярким
звездами, но, в конце концов, заснули с невеселыми м
слями о будущем.

Странно как!? Утро восьмого дня, как мы скитаем
ничем не питаясь, а мы, оказывается, еще живы и да

овольно бодро себя чувствуем. Настолько бодро, что вилась мысль искать спасения жизни, с которой, как удто, было все покончено.

Итак, решили всем вместе итти на берег и сейчас ыступаем в путь. Взяли весла, палку и решетки со дна плюпки, на случай провалов между льдинами, отлично ная, что «случаи» эти будут нам попадаться ежеминутно, что правильнее было бы назвать «случайным» обратое. Силенок оказалось так мало, что весло с большим рудом держалось в руках.

Собравшись — двинулись. Шедший перед этим снег ероломно прикрыл, точно приготовил для нас, все рещины и слабые места льда и двигаться нужно крайней осторожностью, ощупывая впереди каждый аг и готовясь принять внезапную холодную ванну, гнную стать и могилой.

Взяв весла и палку под мышки, распростившись нашей гостеприимной льдиной и ставшей родной — осле стольких горьких минут совместных переживаний,— плюпкой, направились мы к берегу. Не успели сделать нескольких шагов, как началось то, чего мы так оялись: то в одиночку, то по два, то вдруг и все разом, елой компанией,—проваливались в воду и если только е скрывались под льдиной совсем и не погибали — то агодаря длинным веслам, упиравшимся обоими онцами в лед и дававшим достаточную опору телу.

Кто был посильнее и половчее—тот после купанья ылезал сам. Кое-кому приходилось подавать сообща омощь, вытаскивая волоком на лед и помогая принять ертикальное положение.

В конце концов, отойдя с громадными трудностями т шлюпки какую-нибудь версту, и оказавшись чуть не до

головы промокшими и выбившимися из сил,—мы поняли что дальше двигаться было невозможно и что нужно покуда есть еще остаток силенок, добираться до шлюпки повернув назад.

Тем же путем, так же падая, проваливаясь и выбираясь из трещин, ловивших нас, казалась, еще усерднее чем прежде, еле-еле дотянулись мы до шлюпки и, изм ченные физически, подавленные морально нашей неуд чей, буквально повалились на ее дно. Тело под мокр одеждой едва чувствовалось.

Под влиянием только что перенесенного и пер чувствованного мои товарищи резко заявили, что отны они никуда не пойдут и будут сидеть в шлюпке ждать—либо спасения, если таковому суждено прит независимо от их усилий,—либо смерти.

Я никоим образом не мог согласиться с этой па сивностью, да еще в таком деле, как вопрос о жизни смерти. «Ведь это же нелогично», думал я, «не все равно где умирать, если уж освоился с этой возмо ностью и приготовился ее принять в случае ее неизбе ности,—в шлюпке или на льду? Но, в конце конц гораздо лучше умереть ища пути к спасению, цепля за малейшие шансы на последнее, чем гибнуть бесслав без всякой борьбы за свое существование».

Ночью я спал лежа рядом с боцманом; утром дев того дня, проснувшись раньше других, я разбуд его и стал уговаривать снова попытать счастья и п пробовать выбраться на сушу. Сначала он и слушат не хотел меня и мрачно отвергал все мои попыт убедить его в том, в чем я так твердо был убежден са приняв накануне решение. Но мало-по-малу, после упо ной атаки на него, он сдался на мои доводы и согл

сился снова попытать счастья, до сих пор бывшего таким нерасположенным к нам.

Покончив между собой переговоры и заключив союз, разбудили остальную компанию и об'явили им о нашем плане, обещая, в случае его осуществления, немедленно выслать оставшимся в шлюпке помощь. Все с этим тотчас же согласились, не обнаружив ни малейшего желания нам сопутствовать.

Не теряя драгоценного времени, т. к. до берега было довольно далеко,—я и боцман снарядились снова в опасное предприятие: взяли палку и весло и, провожаемые общими пожеланиями удачи, тронулись в путь к видневшемуся ясно контуру земли.

Итти сначала было хорошо: лед попадался большими кусками, с незначительными трещинами, через которые мы перекидывали весло, и проходили по последнему с помощью палки. Потом путь стал хуже и двигаться было труднее. Начались провалы, — сначала редкие, затем участившиеся, — мы снова живо промокли до нитки и начали мерзнуть. Труднее всего было рукам: рукавиц не было, и они сильно зябли тогда, когда должны были крепко держать весло и палку. Но мы уже не обращали на это внимания, и все двигались и двигались, проваливаясь, вперед, и берег все яснее и яснее обрисовывал нам свои очертания и подробности, постоянно менявшиеся, т. к. течение относило нас вместе со льдом вдоль суши на север.

Довольно далеко было еще до нее, а уже приближался вечер. Впереди нас, в направлении нашего пути, верстах в двух от берега, мы заметили остов какого-то разбитого и брошенного во льду судна и решили, если не удастся достигнуть до наступления темноты нашей

главной цели, то добраться хотя бы до судна, где
заночевать, чтобы утром двинуться дальше. В это
нашем решении мы укрепились еще более с того момента
как заметили, что судно и окружавший его лед, вплот
до берега,—спокойны и не участвуют в том движени
которое нас, с нашей частью прибрежной полосы, тяне
к северу, грозя вынести в открытый океан. Очутившис
же до ночи на судне, мы могли бы, спокойные за сво
участь, дождаться утра.

Быстро приближавшийся вечер, сгущавший над нам
сумрак, заставил нас спешить, что было сил, к замече
ному остову. Вот, вот, он уже близко, — каки
нибудь сто саженей, и мы спокойны...» — мелькали
голове у меня радостные мысли, прервавшиеся вдру
самым неожиданным и горьким образом: мы уперлис
в трещину около $1^1/_2$ саж. шириной, наполненную мелки
снегом, и бесконечную в ту и другую стороны. Мы бы
просто в отчаянии, которое все усиливалось тем обсто
тельством, что по другую сторону полыньи лед до само
берега оставался спокойным и неподвижным, в то врем
как мы быстро двигались вдоль него, разделенные все
какими то полутора саженями.

С горечью и тоской остановились и стояли на кра
подвижного ледяного поля, созерцая близкое, желанно
но недоступное. Боцман решительно сказал, что по е
мнению, перейти через полынью нельзя, и он даже
будет делать соответствующих попыток. После это
предисловия он обрушился на меня целым градом упрек
за то, что по моей вине мы вышли напрасно
нашей шлюпки, оставив товарищей: «лучше было б
умирать там, среди них, чем гибнуть здесь, чуть не
полном одиночестве».

Боцман ругался так долго и усердно, что, в конце концов нагнал даже на меня тоску своими причитаниями, с которыми я никак не мог согласиться по их узости и мелкому животному страху себялюбца: «ведь, это мы делали не для себя только. Нашей помощи ждут, кроме этих, еще тринадцать человек и нужно, значит, сделать все, что только возможно, чтобы попасть скорее на берег и известить кого нужно о гибели и положении *Ормесби* и его экипажа...» И я твердо опять-таки решил, если не пойдет боцман, итти одному и, во что бы то ни стало, достичь берега, тем более, что самая трудная часть пути была уже позади.

Нужно было перейти только полынью, так неожиданно преградившую дорогу. Перескочить с одного берега на другой было совершенно невозможно за ее шириной, которую не прикрывало даже бывшее со мною весло, длиною около 12—14 фут. Нужно было во всяком случае искать места поуже. В этом раздумье стояли я и ворчащий боцман на краю поля и плыли вместе с ним вдоль другого неподвижного берега промоины, из которого кое-где выдавались ледяные мысы, подходившие краем своим к нам довольно близко. Я сразу же почувствовал, что в этих мысах или выступах лежит разрешение нашей задачи. И вот, подождав, когда мы подошли к одной из льдин, выдававшейся довольно далеко в промоину, я улучил момент и перебросил на нее весло через трещину, опершееся своими концами, фута по 3 на каждом, на лед. Нужно было не терять времени и дорожить секундами, пока плывшее поле еще не разрушило моста, не выдернув устоя из-под весла. Я, быстро вооружившись палкой, опираясь ею сперва на своей стороне, затем на береговой, и балансируя по веслу

над водой, успел все-таки перебраться через трещину и поблагодарил судьбу за чудесный переход, где было столько риска. На самой середине весла одна плывшая льдинка так стукнула меня по ногам, что я чуть не полетел в шуршавшую внизу жидкую кашицу, откуда вряд ли выбрался бы.

Видя мой успех, повеселел и боцман. Я ему перебросил весло и палку и скоро таким же образом он очутился вместе со мной, разделив мое радостное и приподнятое настроение.

Впрочем, мы скоро убедились, что рано было еще торжествовать. Только очнувшись от наших радостных переживаний, заметили мы, что вечерний сумрак скрыл от взоров видимый доселе ясно берег, а главное—остов нашего судна, в котором мы мечтали найти себе спокойное ночное убежище, но от которого, за те четверть часа, что возились с переправой, были течением отодвинуты чуть не на версту.

Покуда еще под ногами было видно, мы решили не терять времени и двинуться к судну, но скоро от этой затеи отказались, как это ни было печально. Лед, как на несчастье, оказался очень слабым. Под ногами от него отламывались куски, и мы то и дело проваливались, с большим трудом выползая обратно. В этом последнем нам значительно помогала особая сноровка, выработавшаяся на основании опыта печального прошлого. Ее приемы, очень облегчавшие наше путешествие, заключались в том, что весла и палка держались на вытянутых руках впереди, и мы, при каждом внезапном падении или провале, моментально поджимали их под себя, наваливаясь затем всем телом на наших верных деревянных товарищей,

благодаря которым были еще не только целы, но и мокры не выше пояса. Однако, несмотря на это, благодаря постепенной потере сил и окоченению тела, а, главным образом, рук, нам становилось все труднее и труднее освобождаться от ледяных об'ятий, и, в конце концов, мы почти не дв гались с места. Как раз наступила полная темень, пути совершенно не было видно и волей неволей приходилось становиться на единственной возможности: ночевать прямо на льду,—не смущаясь тем, что мы были наполовину мокры до нитки. Впрочем, судьба основательно уже позаботилась о том, чтобы приучить нас быть хладнокровными в положениях, казавшихся выходящими за пределы отпущенных человеку сил. Шутка ли! мы были живы после почти десятидневной полной голодовки и пребывания в непрерывно сырой одежде на морозном воздухе.

И совершенно спокойные за главное—за то, что нас отсюда море уже не унесет от берега,—мы принялись искать вблизи льдину побольше и покрепче для ночлега. Это было не так легко и скоро, как оказалось, сделать. Быстро найдя подходящую льдину и перейдя на нее, мы чуть не перевернулись вместе с ней в воду и еле успели перебраться на другую. Только остановились на этой,—как она вдруг переломилась пополам, заставив нас совершить чуть не заячий прыжок в сторону. Довольно долго после этого бродили мы, проваливаясь и вытаскивая друг друга, если только не купались одновременно, пока, наконец, с облегчением не почувствовали под ногами плотную массу льда, футов восемь диаметром, свободно нас державшую и не готовившую, повидимому, никаких сюрпризов. Здесь и решили успокоиться от трудов и расположиться, так сказать, по домашнему.

Да и во-время. Физическая энергия упала к этому моменту почти до нуля; мы еле стояли на ногах, хлюпавших целый день в ледяной воде, забравшейся в сапоги, а руки были точно палки. Теперь надо было устраиваться на ночевку. А она сулила нам мало удобств. Стоять целую ночь — не было сил; лежать, в мокром, на ледяном ложе — еще того менее возможно. Оставалось спать только сидя. В этом направлении и началась работа подготовительного, так сказать, характера, состоявшая только в том, что мы положили на лед наши весло и палку, предохранявшие нас от ледяного прикосновения, а затем сели рядом на них спиною к ветру. Ноги, которых мы впрочем почти не чувствовали, — обернули дождевиком и связали веревками. Край другого такого же плаща подоткнули сзади под себя, а остальную часть натянули на спины и головы, завернули с боков наперед вокруг туловищ, сшили впереди, через дыры по краю, веревкою. На этом покончили. Больше удобств извлечь из нашего материала было нельзя. Оставалось только выполнить самое главное, к чему мы так торжественно приготовлялись... заснуть. И вот, уставшие и измучившиеся, тесно прижавшись друг к другу, мы быстро и крепко заснули — точно кругом не было холодной полярной ночи, точно сами мы были сухи и обогреты и имели вместо своего ледяного ложа мягкую и теплую домашнюю постель. Так безмятежно заснув, мы, пожалуй, не просыпались бы до самого утра, если бы задвигавшийся перед его наступлением лед не цеплял за свешивавшиеся со льдины концы нашего деревянного сиденья и не заставлял нас подпрыгивать от толчков кверху и с неохотой продирать глаза. Кругом нас свистел ветер, шумело, трещало и двигалось ледяное поле, но эта

картина не долго занимала наше внимание: веки быстро слипались снова, и мы засыпали так же крепко до нового толчка, моля судьбу только о том, чтобы наше ледяное убежище нам не изменило.

Облачным и пасмурным утром десятого дня проснулся я первым и кое-как высвободил себя из плащей и веревок, боясь прервать сладкую дрему боцмана. За ночь вокруг нашей льдины образовалась точно стена из нагромоздившихся кусков льда, выдавленных, при ночном движении поля, наверх, и мы очутились в какой-то низкой комнате без потолка. Пожалуй, эта, точно нарочно созданная постройка, много сберегла нам сил и здоровья, предохранив от действия ночного холодного ветра.

Заглянув через ледяной барьер в сторону берега, я увидел его очень близко, в расстоянии около версты. В душу сразу хлынула радость при мысли, что на этот раз мы спасены. Еще немного усилия—и под ногами будем ощущать твердую землю, предмет таких страстных надежд, сбывающихся покуда только для нас двоих.

В радостном возбуждении и какой-то трепетной поспешности принялся я тормошить боцмана. Но добудиться его оказалось делом нелегким. Вероятно, он был в своем состоянии сна близок к замерзанию, и мне пришлось потратить много времени и труда, пока, наконец, после применения самых энергичных мероприятий, в ответ на которые я получил вначале одно невнятное мычанье,—он не открыл глаза и не понял обстановки. Вид близкого берега окончательно расшевелил его, и, торопя друг друга, мы начали готовиться к дальнейшему ледяному переходу, казавшемуся теперь совершенно нестрашным и пустяковым.

Прежде всего мы собрали и связали свои плащи. Затем приходилось позаботиться о более важном—о наших руках. Вообще все тело болело и ныло, но на руках появились язвы и раны от обморожения и нужно было серьезно опасаться того, что мы можем вдруг очутиться «без всего», т. к. руки были для нас самыми важными сотрудниками. Поэтому я отрезал от теплого шейного шарфа один из его длинных концов и, разделив последний на четыре части, две передал боцману, с которым затем обернули кисти полученными кусками материи.

После этого, взяв весло и палку, мы в бодром настроении духа тронулись к берегу, и около полудня длинная, прибрежная песчаная полоса была достигнута. Трудно передать, что ощущали мы, чувствуя под ногами землю, пустынную, мерзлую и мертвую землю. Но как ни велика была радость, мысль о товарищах, оставшихся позади в океане, на краю гибели, омрачалаее, а сознание принятой на себя обязанности заставило нас тотчас же, не отдыхая и не останавливаясь, итти на поиски жилья и помощи. И мы двинулись по берегу. Вначале он был плоский и совершенно голый, без всякой растительности. Зато хранил много обломков различных судов, повидимому, потерпевших во льдах крушение. По мере углубления в материк появились холмы: то тупые и широкие, то довольно острые. Начала встречаться высохшая трава. После нашего снегоедения, мы вздумали попробовать ее в качестве нового блюда, но, пожевав, выплюнули, такая это была гадость,—и снова принялись за испытанный снег.

Долго шли так, всматриваясь пристально вокруг во всякие неровности почвы, ища жилья. Мечтали и сладко грезили о настоящей еде, о пресной воде, чего

так долго уже не видели и по чем истосковались и изголодались. Но сколько ни рыскали—нигде не могли найти каких-либо следов человеческого пребывания среди молчаливой северной пустыни, тоскливой и неуютной.

Вот и хижина, что мы видели с моря, возбудившая в нас тогда столько напрасных надежд, принесшая разочарование. Поспешив к ней, мы убедились еще раз в том, что она пуста. Обыскали тщательно самые укромные уголки, думая обрести что-нибудь с'естное, но поиски оказались тщетными. Остановились в ней с целью немного отдохнуть. Страшно клонило ко сну обоих, но, помня об основной цели нашего путешествия, поборов сон, мы побрели дальше, держась теперь вдоль берега, где можно было рассчитывать натолкнуться на рыбачье становище поморов или самоедов. Встречая на снегу частые звериные следы, вроде волчьих или лисьих, решили озаботиться приобретением каких-нибудь средств обороны. Наши верные спутники палка и весло, были брошены в самом начале пути—слишком уж тяжелы они были по теперешним нашим силам, хотя теперь и пригодились бы для обороны от хищников. Вместо же них пришлось взять более легкие шесты из попадавшихся под ноги.

Путешествие наше совершалось чрезвычайно медленно. Через каждые 50—100 шагов останавливались и отдыхали, осматривая окрестности. Добрались до каких-то высоких холмов, ползти по которым при нашем состоянии было очень трудно. Кое-где здесь встречались замерзшие лужи. Порядочно томившая жажда заставляла нас ложиться на лед и ковырять его ножем с целью добыть пресной воды, но все лужи оказались промерзшими до земли и вместо воды мы сосали кусочки льда.

Долго еще шли, но каких-либо иных следов, кроме звериных, нигде не встречалось. Начал дуть сильный встречный ветер, густо повалил снег и все чаще и чаще должны мы были останавливаться для передышки, чуствуя как борьба с этими новыми препятствиями выматывает все силы, какие еще у нас остались в запасе. Как бы хорошо было сейчас погреться чем-нибудь: выпить, например, теплой крови оленя, которого можно было бы встретить в этом краю. Или найти дохлую, выброшенную морем рыбу на берегу. Но олени не встречались и сколько ни искали рыб—не нашли ни единой. Пустота же в желудке властно требовала заполнения, и мы обращались к спасительному снегу, бывшему в изобилии. Замерзшие руки отказывались уже его брать, но мы с честью вышли из этого затруднительного положения, ложась животами на землю и уткнув физиономию в снежную массу, захватывали ее ртом и с аппетитом насыщались.

Густой снег валил крупными хлопьями, совершенно застилая горизонт и путь. Упорный ветрило не переставал так нажимать спереди, точно не хотел пропустить нас, непрошенных и нежданных, в свою пустынную обитель, где он чувствовал себя единственным хозяином. Но и он, наконец, смилостивился к нашей радости и стал затихать. Снег также разрядил свою пелену. Неясные доселе контуры местности делались все отчетливее, и когда, наконец, метель утихла совсем, мы увидели, что подходим к одному из берегов широкого морского залива—около шести верст, как мы определили на глаз.

У противоположного берега его, очень близко к последнему, как нам казалось отсюда, стоял и дымил

наш знакомый пароход. Между ним и землей, где также вился, повидимому, из жилья, легкий дымок, еле заметными нам точками двигались по льду туда и сюда люди. Эта картина наполнила нас радостью и вызвала к жизни теплившиеся силы организма. Ободренные перспективой скорого общения с теми, от кого мы могли получить столь давно невиданные пищу и питье, кто мог дать помощь оставшимся сзади нас, мы подтянулись и быстро пошли по прямому направлению на пароход, думая пересечь залив по льду. Но после нескольких провалов и купаний эту мысль пришлось оставить, и, выбравшись на берег, мы пошли в обход всего залива. Холмистая местность сильно мешала двигаться, и силы быстро стали падать. Останавливаясь для отдыха, мы делали все возможное для того, чтобы обратить на себя внимание парохода: кричали, свистели, размахивали различными предметами, но все напрасно — нас никто не замечал. Приблизительно уже была обойдена половина залива, как мы, еле ковыляя с холма на холм, увидели в стороне какой-то домик, не оставлявший никакого сомнения в обитаемости по движению около него, а, главное, бывший к нам значительно ближе, чем предстояло еще тащиться до парохода. Не долго выбирая, решительно повернули на домик и потащились, еле волоча уже ноги. Пройдя в этом направлении с версту или немного менее, заметили впереди себя реку, покрытую льдом [1]), а на ней, влево от нас, какие-то фигуры, быстро двигавшиеся на одном месте. Вначале мы даже не заподозрили в них людей по странным их формам: думали сперва, что это тюлени, потом приняли

---

[1]) Малая Кия, как после узнали.

их за собак, и только, когда заметили с ними двигавшиеся санки, покончили со своим недоумением. Подошли, наконец, к реке,—горько нас разочаровавшей слабостью своего покрова и угостившей несколькими холодными ваннами, отбившими охоту производить дальнейшие изыскания. Вода ее, к которой мы жадно бросились, в надежде утолить жажду, неожиданно оказалась соленой от близости моря. После этого, ничего больше не оставалось, как итти вдоль реки к замеченным нами людям, продолжавшим попрежнему торопливо копошиться и передвигаться, перебегая с места на место и таща за собой небольшие сани.

Не поняв причины их суеты и движений, мы порядочно даже сперва струсили от предположения, что они удирают от нас, т. к. это, вероятно, хищники-рыболовы, нас давно уже заметившие. Но опасения рассеялись по мере приближения к ним, когда мы, наконец, ясно уловили характер их деятельности: в количестве около десяти человек они ловили на льду рыбу и не только не собирались улепетывать, но даже и не замечали нас, углубившись в свое занятие. Чувствуя в себе почти полное отсутствие возможности двигаться и боясь как бы не упасть и не остаться не замеченными в такой близости от спасения, мы начали, что было сил, кричать им, свистеть в свисток и махать фуражками, но напрасно. Потянулись дальше. Вот совсем уже близко от них. Еще немного усилия—и мы окружены толпой, одетой с головы до ног в оленьи шкуры, людей, изумленно осматривавших нас и вглядывавшихся в наши закопченные дымом измученные лица. На русском языке спросили их — кто они? — и с удовольствием услыша родную речь, узнали, что это русские промышленники, забравшиеся сюда ловить навагу.

К моменту нашей встречи совсем уже стемнело. Мы добрались до них во-время, т. к. нет сомнения в том, что если бы этого не случилось, вряд ли смогли живыми приветствовать утро.

Не знаю, что было в нас подозрительного: наши ли фигуры с черными физиономиями или неожиданное наше появление в пустынном, безлюдном месте, но вначале мы ясно видели, что у наших собеседников в душе копошилось какое-то сомнение, недоверие к нам. Они как-то неловко молчали, переглядываясь друг с другом и внимательно нас изучая. Но обращать внимание на это было некогда—мы вдруг увидели живую, бившуюся у проруби, на льду, рыбу. Попросив позволения взять по одной и не дожидаясь ответа, я и боцман с жадностью вонзили зубы в трепетавшее рыбье тело, еле удерживаемое в окоченевших руках. Только дойдя до самых внутренностей наваги, почуствовал я ее горечь; до того же она казалась мне вкуснейшим блюдом на свете.

Это «живоглотание», если можно так выразиться, чрезвычайно нам помогло в установлении добрых отношений с недоверчивыми рыболовами. Впечатление оно произвело огромное, вызвав участие к нам и интерес к обстоятельствам, породившим такой аппетит. Засыпанные вопросами, мы рассказали вкратце о нашей судьбе, о положении оставленных товарищей и просили скорее итти спасти тех троих, что остались в шлюпке. Промышленники отказали в немедленной помощи, отговариваясь темнотой, делавшей успех предприятия очень шатким, зато утром обещали полное свое содействие.

После этого между ними началось обсуждение вопроса, где нас поместить. Атаман артели пригласил нас к себе в тот как раз в ту хижину, к которой мы шли и не дошли,

отстоявшую отсюда недалеко. Двинулись к жилью, но
сделав один шаг, я и боцман ощутили, что итти само
стоятельно уже не в состоянии. Рыболовы предложил
поддержать нас, и вот, опираясь на людей, м
потихоньку, еле перебирая окончательно онемевшим
ногами, поплелись по занесенному снегом берег
реки, к жилью. Пройдя с половину пути, я по
чувствовал, что даже с посторонней помощью дальш
итти не в состоянии и совсем готов был свалиться н
землю. Тогда наши новые знакомые взвалили меня н
ручные сани и общими усилиями потянули дальше
Боцман же был настолько крепок, что шел сам. Вот
жилье—низкая деревянная хата, вся закопченная и
нутри. Пара маленьких тусклых окон еле освещал
убогую обстановку жилища промышленников: каменну
печь, не имевшую трубы, роль которой исполняла дыр
в потолке, стол, скамьи, да нары вдоль стен, покрыты
без всякой подстилки, оленьими шкурами мехом наверх
На шкурах спали, шкурами же покрывались вмест
одеял. Для наших ран и мокрых волдырей на рука
и ногах оказалось чрезвычайно мучительным соседств
шерсти, бывшей снизу и сверху тела, лезшей непр
станно в больные места и прилипавшей там. Точн
так же, на ряду с этим, мы впоследствии порядочно пр
клинали и спасительную печь, наполнявшую все пом
щение дымом сверху и холодом снизу, т. к. для вент
ляции приходилось открывать наружу двери.

Как только нас усадили на нары, то первым дел
я и боцман занялись своими ногами, которых дав
уже не чувствовали. Прежде всего нужно было сня
сапоги. Это удалось сделать боцману, с которого кое-к
общими усилиями их стащили. Зато сколько ни стар

нились надо мною,—ничего не помогло. Ноги так опухли, что естественным путем освободить их было невозможно, и сапоги пришлось под конец разрезать. Из двух пар теплых чулок, надетых еще на пароходе, наружная оказалась смерзшейся нацело с сапогом, внутренняя же была мокра, т. к. вода, кажется, ни на минуту, не переставала хлюпать внутри во время нашего путешествия.

Сняв и эту пару, я, наконец, увидел свои ноги. Они были бело-матового цвета, слегка розовые; кроме того, вздулись и распухли, особенно пальцы, которые так растолстели, что торчали во все стороны. Ноги боцмана, промокшего меньше меня, представляли гораздо лучший вид: опухоль была меньше и окраска жизненнее.

Живо принесли хозяева снега и что есть силы начали растирать им наши ступни. Долго продолжалась эта работа, пожалуй, около часу; во время нее мы с жадностью жевали по куску хлеба, запивая его водой и ощущая неизъяснимое блаженство от такого лакомства. Боцману продолжало везти и дальше. Довольно быстро удалось вызвать у него кровообращение и ноги мало-помалу приняли телесную розовую окраску и согрелись. Этого мне не посчастливилось, сколько ни старались рыловы. Со всей ступни слезла кожа, обнажилось мясо, и я так и не почувствовал присутствия в них какой-нибудь жизни. Конечности, как были деревянными и почно посторонними мне, такими и остались, приводя отчаяние моих лекарей, старавшихся до тех пор, куда я, видя всю тщету этих попыток, не попросил прекратить бесполезную трату энергии, предоставив дальнейшее судьбе. Тем более это было кстати, что уже ора было нам заняться поглощением оленьего теплого

супа и затем горячего чая. Было ли время и место заниматься в этот момент ногами и вообще всем «посторонним». Адский голод, укрепившийся в желудке, требовал непрерывного принятия пищи, отодвигая на последний план все прочие интересы, как бы близки и жизненны они не были. Но как мы ни жадничали, истребляя запасы наших хозяев, все же побаивались набивать свои желудки досыта, помня, что после десятидневного поста, это может окончиться очень плохо.

Покуда нас оттирали, в жилье набилось масса народу, собравшегося с промыслов, по которым уже пронесся слух о нашем неожиданном прибытии после стольких приключений. Все толпились вокруг, разглядывая с любопытством наши пришибленные фигуры и измученные, закопченные физиономии. Мы были, словом, центром общего внимания и сочувствия. Нас расспрашивали о бывших с нами передрягах, и, рассказывая о них, я и боцман, главным образом, останавливались на вопросе о скорейшей помощи оставшимся. В этот же вечер я хотел телеграфировать в Архангельск, но оказалось, что здесь это не так легко и скоро можно сделать. Ближайшим местом, и то телефонного сообщения, была деревня Несси, в 400 верстах отсюда. Из нее можно было телефонировать в г. Мезень, а оттуда телеграфировать в Архангельск.

Все это было печально и могло оказаться роковым для сидевших на транспорте, если только они еще живы; здесь дорог был буквально каждый час. Приходилось ожидать утра, когда можно было попытаться найти кого-нибудь из самоедов для подобного путешествия.

Ночь я и боцман промучились. Болело и ныло все тело; точно положенная в уголья, горела голова. Стучал

и билось сердце, и сознание по временам затемнялось до бредовых видений. Слабость организма была крайняя—силы точно отсутствовали. Проворочались, простонали, пробредили и кое-как, мучимые еще и шерстью шкур, лезшей в раны, дождались утра. После некоторых поисков, рыболовам удалось-таки найти самоеда, согласившегося ехать в Несси с телеграммой. Нужно было составить последнюю, но, как на грех, с этим пустяком вышла проволочка. Наши руки не только не могли писать, но и вообще отказались держать какие бы то ни было предметы, даже самые маленькие. Среди многочисленной артели рыболовов ни одного не нашлось настолько грамотного, чтобы нацарапать текст. Приходилось приглашать на гастроли капитана парохода *Антоний*, затертого во льду залива. Кстати, приглашая его, думали уговорить идти на помощь *Ормесби*. Услужливый капитан, не замедливший прибытием и написавший, наконец, телеграмму, огорчил нас отказом в помощи судну, впрочем, по весьма основательным причинам: он сам терпел на своем *Антонии* аварию, будучи затерт льдами, нанесшими его, ко всему прочему, на банку, где он крепко сидел в это время, сам нуждаясь в помощи.

Как ни печальна была обстановка, но ничего не оставалось делать, как надеяться на телеграмму. Составлена она была так: «Пароход *Ормесби*, шедший из Англии в Архангельск, на Орловских Кошках потерпел крушение. Оставшаяся команда просит немедленной помощи».

Беленькую бумажку эту, от которой зависело спасение стольких жизней, вручили старому, седому самоеду, из числа помогавших промышленникам и вертевшихся

у промыслов, очень опытному и бывалому.—Пожелали ему полного успеха, попросили поторапливаться, и легкие полярные сани, запряженные оленями, мелькнули раз, другой, третий... и скрылись в однообразной, туманной, снежной дали неведомого нам края.

Рано утром в этот же день, двое промышленников пошли на поиски оставленной в море шлюпки. Около полудня они вернулись на оленях, посланных по моей просьбе им навстречу, и, к моей радости, привезли найденных уже во льду матроса У. Вассермана и кочегара А. Каска, еле бывших в состоянии двигаться, так что олени оказались весьма кстати. По их рассказу выяснилось, что после нашего ухода они еще два дня сидели втроем и мерзли в шлюпке. Видя, что силы падают и конец быстро приближается, они решили последний раз попытать счастья, покуда еще двигаются ноги, и итти на землю. Вышли вдвоем, т. к. 2-й механик П. Ярец настолько ослаб, что предпочел остаться и просил лишь поскорее итти и выслать помощь. Но она ему уже не понадобилась. Отойдя около двух верст от шлюпки, они увидели, что отделившийся лед понесся с последней прямо в открытое море, и скоро его белая полоса с черневшей лодкой скрылась на горизонте, где искать было бесполезно, да и не на чем. Так, и на этот раз бесповоротно, решилась судьба бедного Яреца. Его окоченевший труп быть может до сих пор носится среди мрачного Ледовитого океана, если только волны и полярные льды не разбили последнего убежища, и тело его не попало белым медведям.

Когда матрос и кочегар, продолжая полное всяких неожиданностей путешествие по льду, увидели шедшие им навстречу две фигуры, — то подумали первое время,

что это—я и боцман возвращаемся обратно, не найдя ничего, что могло бы изменить к лучшему нашу общую судьбу. Бедные ребята совсем было приуныли и собирались умирать в тесной компании. Но, сблизившись и увидев незнакомцев, они сразу воспрянули духом, поняв, что я и боцман не напрасно покинули шлюпку. Помощьим пришла очень во-время, т. к., выбившись из сил, они все равно, по их словам, не дотащились бы до берега.

Этот день готовил нам еще сюрприз. Среди промышленников появился слух, что в верстах 15 от того места, где вышли мы, на устье реки Большой Кии, выбрались еще трое скитальцев. Как ни интриговал нас вопрос:—кто они, но до следующего дня мы не могли определить, наши ли это товарищи с *Ормесби*, или какие-либо другие несчастливцы, испытывающие судьбу, подобную нам. Больше склонялись к последнему предположению, т. к. не верилось, чтобы это могла быть часть оставшейся на судне без всяких средств передвижения команды, переплывшей море, да еще так удачно, почти в одно время с нами, приткнувшейся к Канину Носу. К тому же, нас сбивало с толку еще и присутствие, по словам прибывших, среди них боцмана. Единственный же боцман нашего *Ормесби* был со мной.

Как ни хотелось с'ездить туда и узнать подробно о пришельцах, но сами выполнить это были не в состоянии из-за болей во всем теле, а, главным образом, в отмороженных частях. Поэтому я просил промышленников подробно выяснить: не с парохода ли *Ормесби* вновь об'явившиеся? На следующий день получили утвердительный ответ, поселивший в нас радость, но еще и большее недоумение. Все терялись в догадках и становились втупик: как и на чем пере-

плыли они, ничего не имевшие для спасения, Белое море?.. Как выбрались они из своего плена? Это могло совершиться только чудом. И, действительно, то, что поведал нам при нашей встрече, когда мы все соединились для отъезда в Архангельск, второй помощник капитана П. Каск, граничило с необычайным. Вот оно.

Три дня экипаж *Ормесби*, с медленно угасавшими надеждами на спасение, ожидал результатов от посланной экспедиции. Наконец, когда создалось общее убеждение в постигшей нас неудаче, — что могло легко случиться при нашей ветхой шлюпке,—и когда всем стало ясно, что помощи больше ожидать неоткуда, решили спасаться, кто как может и хочет. И вот, П. Каск, плотник Мяйнук, старший кочегар Ю. Кервус и матрос К. Шеер из всяких попадавшихся под руку досок сколотили гвоздями ящик. Щели его замазали густой краской и обшили кругом еще брезентом. В угольной яме неожиданно нашли парус, выброшенный туда волнами с разбитой шлюпки, и приладили его в той же самой роли к своему ковчегу. Этим все устройство и оборудование последнего ограничилось; простившись, сели они в него и пустились, отдав себя на волю ветра, в плавание, риск которого оправдывался только отчаянием, а удача — граничила с чудом; после нескольких жутких дней трепанья по волнам, при непрерывной работе выливания текшей в щели воды, — они приткнулись к прибрежной полосе льда неведомого им берега и тотчас же по льду направились на сушу. Достичь последней удалось всего трем: плотник Мяйнук, обессиленный холодом и голодом, не мог двигаться и остался лежать на льду там, где упал от слабости.

Спасти его не удалось, т. к. высланные с берега люди никого не могли отыскать в указанном месте и возвратились ни с чем.

Каск и двое его товарищей, выйдя на берег, довольно скоро встретились, так же как и мы, с рыболовами. При встрече разыгрался комический эпизод: рыболовы приняли их, а в особенности двух самых высоких, Кервуса и Каска, за немцев, пожаловавших сюда «для распространения холеры», и страшно напугались. Измученным неудачникам еле-еле удалось убедить их в том, что перед ними соотечественники. Кое-как русская речь, а, главное, истощенный и жалкий вид путешественников, сделали свое дело, и вскоре наши товарищи уже сидели обогретые и накормленные в рыбацкой хижине, глотая едкий дым печи, не имевшей трубы, и не зная того, что всего в 20 верстах от них находимся мы.

Продолжаю теперь рассказ о себе. В первый же день пребывания на рыбачьем становище, одновременно с изысканием способа осведомить Архангельск о гибели *Ормесби*, я и боцман задумывались также и над тем: как попасть туда и нам самим. Наши хозяева, с которыми мы сговорились, сообщили, что единственные люди, на которых мы можем рассчитывать в этом смысле и в данное время,—это самоеды с их оленями. Других способов не было и приходилось обращаться к единственному. Поэтому я, узнав от хозяев о существовании Канинского самоедского старшины, — роль и влияние которого были ясны из приводимого титула, решил обратиться к последнему и просил самоеда, везшего телеграмму, на пути в Несси заехать к старшине и просить его пожаловать к нам по важному делу.

Только на третий день вечером узрели мы этого старшину, жившего, как оказалось, верст за 300 от нас. Среднего роста, худенький, начинающий седеть старичок, с клинообразной бородкой и добрыми глазами, он носил совсем русское имя—Евсевий Алексеевич Ардеев. Одетый в олений малец и пимы [1]), он взошел в нашу-хибарку и, прежде чем вступить с нами в беседу, молча и с важностью надел на себя знаки своего достоинства — серебряную медаль на цепи—и только после церемонии возложения регалии согласился быть нашим собеседником.

Не раз после благословляли мы судьбу, пославшую нам Ардеева. Его полярное сердце оказалось полно замечательной теплоты; в нем мы нашли чрезвычайно душевного и живо сочувствовавшего нам человека, принявшего все меры для оказания нам просимой помощи и сделавшего нам много хорошего.

Познакомившись друг с другом, мы тотчас же приступили к делу, об'яснив, откуда явились, каково наше положение и что нам нужно. Его просили только лишь довести нас семерых до какого-нибудь большого пункта, каковым являлось с. Несси, где мы могли бы получить врачебную помощь и откуда имели бы возможность уж без его помощи достичь Архангельска. Пришлось затронуть и вопрос о снабжении нас, на время длинного полярного путешествия, теплой одеждой. Выслушав нас и выразив нам свое сочувствие, Ардеев моментально согласился сделать все, что только он может. Понимая, как и почему мы дорожим каждой минутой времени для самоедов о количестве имевшихся у них саней, оленей

---

[1]) Малец или малица—одежда, сшитая из шкур, куда нужно залезать через единственное отверстие для головы. Пимы—мягкая обувь из шкур, вроде валенок.

от'езда, он тотчас же отправился опрашивать местных
и одежды. Для нас, наших возниц и провизии требова-
лось по подсчету девять саней и около 35 оленей.
Кроме того, т. к. ноги у всех нас были опухшие и
толстые, то обыкновенные пимы не годились и нужно
было шить специальные.

Об'ехав весь рыбачий стан, Ардеев заявил, что
здесь все необходимое для путешествия мобилизовать
невозможно и что придется ехать за недостающим
в тундру. С этим неприятным известием приходилось
волей неволей мириться и ожидать возвращения Ардеева,
который не заставил себя торопить и, быстро скрывшись
в тундре, не появлялся еще целых три дня, не показа-
вшихся нам сладкими в нашем болезненном положении
и томительном ожидании и беспокойстве. Вообще все
шесть дней нашего пребывания у рыболовов протекли
для нас в изрядных физических муках. Ноги, в особен-
ности у меня, ныли и болели. Счастливец боцман мог хоть
тешаться живым видом своих ступней, а я так и не почув-
твовал в них признаков жизни; как будто что-то посторон-
нее было привязано внизу, вместо живого тела. Двигаться
нам всем было очень трудно, почему мы непрерывно
валялись на нарах, проклиная дым, твердость досок и
терсть шкур, настойчиво и злобно лезшую волосами
в раны и волдыри клочьями отставшей кожи. Руки
наши не отставали в смысле опухоли и количества ран
от нижних конечностей, хотя были живы. Пальцами,
опухшими до крайних пределов, мы еле-еле ворочали.
На беду у промышленников не оказалось ничего, что
можно было употребить в качестве перевязочного мате-
риала. А о лекарствах тем более нечего было думать.
Спасибо капитану *Антония*. Он дал нам какого-то

пластыря и немного бинтов; того и другого едва хватило для рук, а ноги покуда оставались, как были.

В однообразии томительно текших дней единственным нашим развлечением была еда. Поглощательная способность была невероятная. После нашей продолжительной голодовки мы все время ели и никогда, к собственному удивлению и, вероятно, ужасу наших хозяев, не чувствовали себя сытыми. Нечего и говорить, что аппетит наш мог смутить радушных промышленников тем ущербом, который мы наносили их скудным запасам, пополнить которые в это время не было возможности. И нужно отдать им справедливость: за все время нашего пребывания гостеприимство хозяев не падало в своей интенсивности, и они предпочитали оставаться молчаливыми свидетелями производимого нами опустошения.

За шесть дней мы достаточно успели приглядеться к их несладкой, трудовой жизни. Рано утром, еще до рассвета, эти одинокие, заброшенные в снежную пустыню, живущие среди всяких лишений люди, попив чая и пообедав, отправлялись на промысел, нарядившись с ног до головы в оленьи шкуры. Целый день проводили они на льду, среди холода, мокрые. И только поздно вечером возвращались, измученные работой, в свою дымную хату, чтобы, поужинав, посушив одежду, свалиться от усталости на нары до следующего трудового дня, в точности похожего на предыдущий. Наловленную навагу держали на дворе, покуда она не замерзала, после чего грузили на пароход или отправляли на оленях в ближайшие деревни, отстоявшие отсюда, как и друг от друга, сотни верст.

Во время нашего пребывания на промыслах, капитан *Антония* удалось как-то ночью сдвинуть пароход с мели

помощью большого числа собранных рабочих и после
ногих неудачных попыток. Дело чуть не кончилось
ри этом гибелью нескольких промышленников, в том
сле и нашего хозяина: один из канатов, за которые
нули пароход, неожиданно сдал и все державшиеся
него обрушились через разломанный лед в воду, но
ли поспевшими во-время товарищами спасены. Это
оисшествие, о котором мы только могли слышать,
к. не двигались с нар, внесло некоторое разнообразио
наши впечатления, так же, как и прибытие самоедского
лдуна, пожаловавшего для заговора ног от дальнейшего
спространения опухоли.

На шестой день, наконец, дождались мы и старшины.
но утром вернулся он из своей поездки и привез все
обходимое: полный комплект одежды, 9 саней, оленей,
овизию—все это было им собрано в тундре. Кстати
ихватил он и кусок чистой материи, очень пригоди-
ийся нам для обертывания ног.

Откладывать от'езд больше не было причин и, до-
ка временем, мы стали готовиться покинуть наш
ют и промышленников. Приготовились быстро. Длин-
е, легкие самоедские сани запрягли 3—5 оленями,
тря по количеству ездоков и силе животных. Сверху
рыли оленьими шкурами, нагрузили на одну подводу
ну путевую провизию и приступили к самой главной
ти—к облачению себя в полярные одежды, обойтись
которых зимой в этих широтах невозможно. Кое-
, помогая друг другу, влезли через единственное от-
стие для головы в тяжелые малицы, одели пимы на
и, теплые шапки на головы и, от души поблагода-
за гостеприимство и радушие приютивших нас ры-
овов, расселись по саням и тронулись в путь на Несси.

Длинной вереницей, по необозримому белому поля растянулся наш легкий поезд. Олени бежали так быстро что захватывало дух, забрасывая нас снегом из-под к пыт. Погода была очень хорошая, тихая, при легко морозце около 8°. Кругом однообразная снежная тундра то плоская, то холмистая, то голая, то покрытая ре кими низкими кустами, не достигавшими высоты дан полусажени. Дороги не было видно совершенно, но на шим возницам был известен каждый холм и кустик, мы поражались, как удивительно пользовались они зн нием местности, где, казалось, ничто не могло помо ориентироваться в направлении.

В очень короткое время от'ехали мы верст на 15 стана и остановились, чтобы дать оленям отдохну Неприхотливые животные, столь драгоценные в эт пустынном крае, сейчас же с жадностью набросились снег. Поев снега, они передними ногами быстро и пр вычно разгребли его толщу и, достигнув до тоще мха и лишаев, с наслаждением их жевали.

После двадцати-минутного отдыха двинулись дальш без соблюдения прежней очереди саней. Я ехал вдво с самоедом Романом, как раз тем, что отвозил в Нес телеграмму. Успев вернуться к нашему от'езду, он сно совершал с нами долгий путь, повидимому, нисколько утомленный сделанными туда и обратно семью или семью сотнями верст, после которых он даже не дыхал.

Быстро добрались до устья Большой Кии, где радост встретились с нашими товарищами, выбравшимися зд на берег. Каск и Кервус оказались довольно бодры Первый мог даже хорошо ходить. Но матрос Шеер б в очень тяжелом положении: весь опух после пере

нного холода и голода. Впоследствии он умер от ган-
рены в Архангельске, после двухкратной ампутации
г. Новые наши спутники облачились в привезенные
ами доспехи, разместились по саням, и мы тронулись
льше в тундру. Долго провожали взглядом рыбачью
ту; вот, наконец, мелькнув последний раз, скрылась
а за белым горизонтом, и нас окончательно приняла
свои об'ятия бесконечная белая пустыня, холодная и
елюдимая. Единственными редкими существами на ее
же были кочевавшие самоеды да волки, против кото-
ых Ардеев даже захватил ружье, имея в виду, что
олодавшие звери иногда наглеют до того, что бросаются
запряженных оленей.

Быстро, окутанные поднявшимся из-под ног оленей
гким снежным облаком, неслись полярные сани, точно
тя по воздуху, то взметаясь на холмик, то ныряя в
щины. Было не холодно в воздухе, но ветер от быст-
й езды упорно и неприятно лез за одежду, заставляя
ться и морщиться от озноба. Не всегда было мягко
ехать и иной раз толчки больно отзывались в отмо-
женных членах.

Через каждые 20—35 верст мы наталкивались на
оедские становища: среди белого поля возвышались
усами четыре или пять чумов, возле которых бро-
ли, выкапывая из под снега мох, олени. Останови-
ись, чтобы сменить наших уставших животных на
жих, мы двигались дальше и около десяти часов ве-
а остановились у большого становища, где было, ве-
тно, около полусотни чумов. Как рассказывали само-
, здесь жил самый богатый их одноплеменник, име-
ий до 4000 оленей. И, действительно, вокруг нас бегало
жество оленей, иной раз таких смирных, что сво-

РЕД.-ИЗД. ОТДЕЛ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА.

Вышли из печати:	Цена. р.	к.
Алые вымпела. Сборник краснофлотского литературного творчества	1	—
Васильев, А. В. Учитесь плавать	—	20
Вишневский, Вс. За власть Советов	—	20
Зоф, В. Из истории флота прошлого и настоящего. Изд. 2-е.	—	20
Кочкин. Взрывчатые вещества	2	—
Ленин и Красный Флот	1	—
М. Б. Гребля	—	10
Н. Н. Крейсерская война в прошлом	—	20
На вахте революции	—	50
Подерни, В. А. Военная психология и Нот в Красном Флоте	—	35
Резолюции XIII Конференции РКП (б.). Изд 2-е	—	30
Самойлов, К. И. На канонерской лодке „Ленин"	—	60
Сакеллари. Беседы о кораблевождении	—	30
Соболев, А. А. Красный флот в гражданской войне 1918—1920 г.г.	1	—
Его-же. Военно-морская игра. Изд. 2-е	—	75
Справочная книжка молодого военмора	1	35
Таблица семафора и азбуки Морзе в красках	—	20
Таблицы для перевода русских мер в метрические и обратно	—	20
Трусов. Практический курс моторного дела	1	50

Печатаются:

Гельмерсен, П. Морская практика.
Лейтенант П. П. Шмидт. Воспоминания сестры. Изд. 3-е.
Лукашевич, С. Краткий морской словарь. Изд. 2-е.
Платонов. Черноморский флот в революции 1917 г.

Военно-Морские журналы:

1. **Красный Флот**—популярно-политический, рисующий жизнь и быт Красного Флота; 4-й год изд.
2. **Морской Сборник**—старейший научный; 78-й год изд.

ЦЕНА КАЖДОГО ЖУРНАЛА:

На год . . . . . 15 руб.
На полгода . . . . . 8 „

С требованием обращаться в Книжный Склад Морведа, Ленинград, Главное Адмиралтейство.

На запросы Склад отвечает при присылке почтовой марки.

Цена 15 коп.